

The book cover features a dramatic illustration of a futuristic, silver and red flying car or jet flying through a stormy sky. The vehicle is tilted, and a bright light emanates from its rear. The background consists of dark, jagged rock formations and a turbulent sea with white-capped waves. The sky is filled with yellow and orange light, suggesting a sunset or sunrise, with several bright white lightning bolts striking down. The entire scene is framed by an ornate, golden Art Nouveau-style border with intricate scrollwork.

АНДРЕЙ ЛИСЬЕВ

СЛОМАННОЕ
НЕБО
САЛАКТИОНЫ

16+

Андрей Лисьев

Сломанное небо Салактионы

Издательство «Четыре»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Лисьев А.

Сломанное небо Салактионы / А. Лисьев — Издательство
«Четыре», 2023

ISBN 978-5-907654-19-8

Далекое будущее, необитаемую планету исследуют геолог и пилот. Но стоило им поссориться из-за девушки, как небо Салактионы твердеет, а неподалеку падает шаттл с единственной выжившей. Стремясь разгадать тайну пленившей их планеты, герои натываются на... антиутопию. Социальная научная фантастика для тех, кто любит задуматься о будущем человечества.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907654-19-8

© Лисьев А., 2023
© Издательство «Четыре», 2023

Содержание

Часть первая	6
Пролог	7
Глава первая	11
Глава вторая	23
Глава третья	37
Глава четвертая	46
Глава пятая	58
Часть вторая	71
Глава шестая	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Андрей Лисьев
Сломанное небо Салактионы

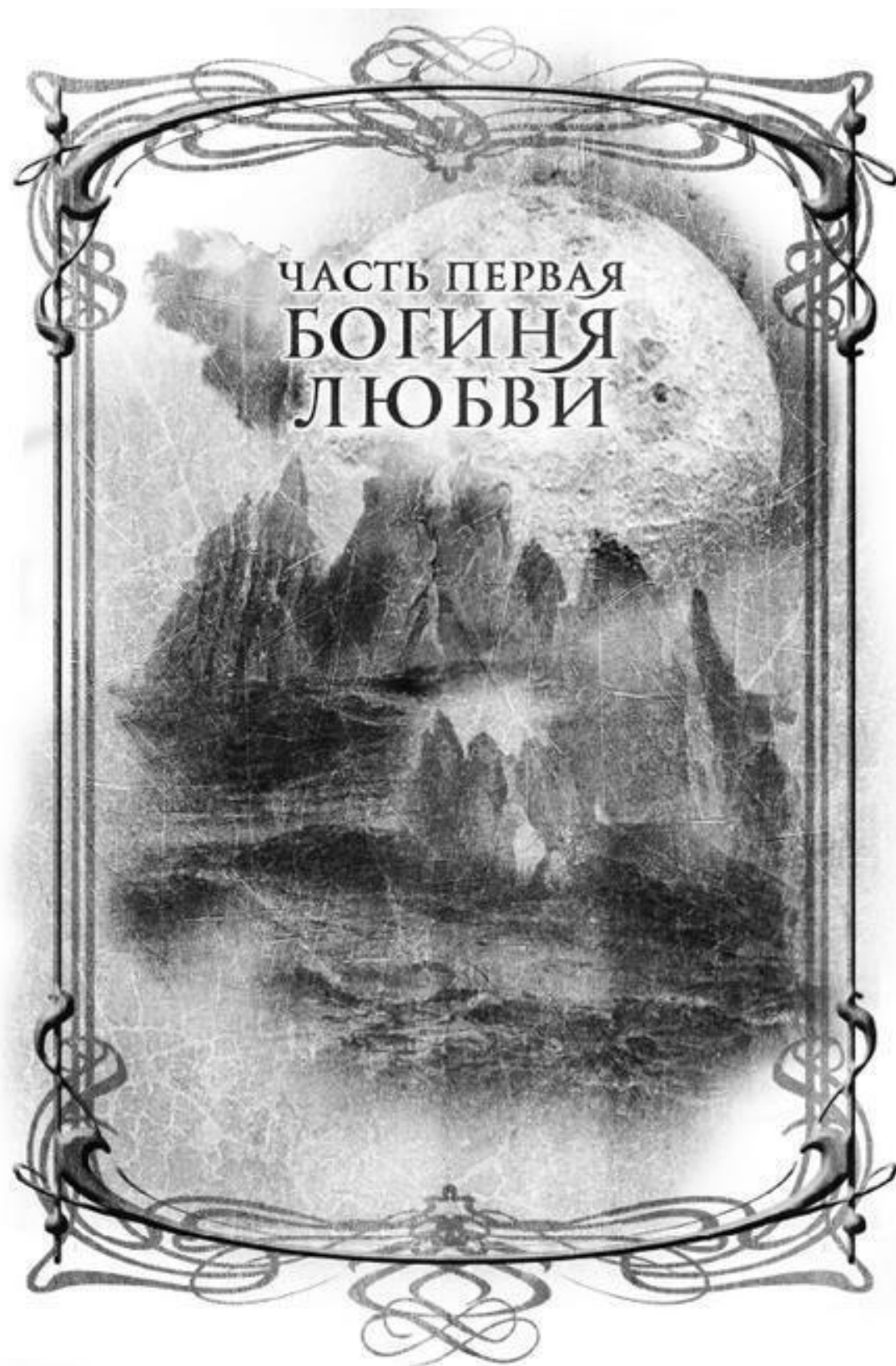

издательство
ЧЕТЫРЕ

© А. Лисьев, текст, 2023

© Издательство «Четыре», 2023

**Часть первая
Богиня Любви**

Пролог

«Тысячи лет люди колонизируют космос, а человек по-прежнему слаб».

Две слезинки выкатились из-под темных очков Элизабет Роверто, но она не шелохнулась. Ослепительно белая пустыня второй Салактионы, гладкая как стол, искрилась в лучах Гизы.

А за спиной Элизабет пыхла и испускала пар нелепая стальная конструкция горнодобывающего комбината. Позвякивая соединениями, роботы чередой шли на погрузку руды, возвращались пустыми.

Шаттл с «Норгекаравана», что доставил сюда туристов два дня назад с первой Салактионы, терялся на фоне громадного транспортного корабля. Пройдет не один месяц, прежде чем его трюмы наполнятся рудой.

Новая слезинка щекотно повисла на левой щеке. Элизабет сняла кепи и расправила узел на затылке. Перед поездкой она обрезала свои черные волосы по плечи, но все равно было жарко. Слеза зашипела на решетке под ногами. Девушка переступила с ноги на ногу, подошвы горных ботинок успели прилипнуть. Роверто посмотрела сквозь решетку и все-таки зажмурилась.

В трехстах метрах внизу огненная река Салактионы-2 медленно гнала круговороты ярко-зеленой лавы.

Исполинская платформа землян с комбинатом, космодромом и городком шахтеров высоким мостом покрывала обугленные берега ущелья, где текла река. А еще выше безупречной синевой давило близкое небо.

Салактиона-2 не признавала полутонов. Все три цвета – река, пустыня и небо – слепили неподготовленного наблюдателя.

И Элизабет устала от этой однозначности, устала от впечатлений.

«Может это возраст притупляет остроту впечатлений? А еще больше я устала от Маргарет, призналась себе она. Хочу на работу! Вот только на которую?»

Роверто почувствовала на себе чей-то взгляд и обернулась. Оператор роботов в бурой от пота безрукавке и драных шортах засмотрелся на ее затянутую в черный походный костюм фигуру, но смутился, уткнулся в планшет, и зашагал дальше. Элизабет поджала губы и подняла очки. Проводила шахтера взглядом и...

– Госпожа Роверто! – От топота румяного пухлого пилота решетка под ногами тряслась. – Нам пора!

– Больше никого не ждем? – спросила она и нахмурилась.

«Какая я тебе госпожа? Мне всего 36 лет! Ладно, почти 37», – подумала она.

– Никого! Мадам привезла внука родителям на каникулы, а студенты останутся здесь на практику. Так что обратно летите только вы с матерью.

Роверто суетливо поспешила к шлюзу космопирса так, чтобы пилот не увидел ее гримасы. «Все считают Марго матерью. А она никакая не мать!»

По опущенному на пирс трапу Роверто вошла в трюм шаттла и по лесенке поднялась на второй этаж в пассажирский салон.

Грузная Маргарет неуклюже развалилась в желтом кожаном кресле. Элизабет она встретила победной улыбкой:

– Принеси мне кофе.

Элизабет машинально подчинилась. Женщина-второй пилот протянула ей термос и две пластиковые чашки.

«О! Я – самая стройная на борту!» – обрадовалась Элизабет, скользнув взглядом по пухлым фигурам пилотов.

Она поставила кофе на столик перед сестрой и уселась в кресло напротив. Роскошный салон, светлая кожа и светлое дерево, контрастировал с утилитарным трюмом внизу.

Роверто посмотрела, как сестра, отведя в сторону мизинец, маленькими глотками пьет горячий кофе.

«Надеюсь, шум двигателя заглушит бесполезную болтовню Маргарет», – подумала Элизабет.

Они совершенно не были похожи ни фигурой, ни цветом волос. Марго носила рыжую поредевшую с возрастом копну на голове. Элизабет, клонированная на тридцать лет позже сестры, всю жизнь оставалась жгучей брюнеткой без единого седого волоса. Генетики наделили сестер Роверто одинаковыми глазами, цвета крепкого чая, и все. Собственно, избыточный вес старшей сестры, с которым та безуспешно боролась всю жизнь, как и бездетность, были результатом генетического сбоя.

– Элизабет. Может все-таки вернешься? Подумай еще раз, – начала свою песню Марго, – С чего ты решила, что наши отношения тяготят тебя? А?

– Ты это уже сто раз говорила! – огрызнулась Элизабет.

– Но я не слышу ответа!

– Ты просто не хочешь слышать!

Двигатели взревели. Легкая перегрузка известила, что шаттл стартовал.

Шум двигателей стал ровным, и Маргарет спросила:

– А отношения с психологом тебя не тяготят?

– Что ты о нем знаешь?!

– Достаточно! Проводи меня в туалет!

Маргарет встала на ноги и наклонилась, протягивая руку Элизабет. Та поморщилась, но подчинилась.

– Мы с тобой такую книгу написали! Еще пару лет, и можешь баллотироваться в Академию! Но нет, высунуться решила!

Они поднялись по ступенькам, туалет располагался в проходе между салоном и кабиной пилотов.

– Мне надоело держаться за твою юбку, – рявкнула Элизабет.

– Так ты... – Маргарет проглотила оскорбление и захлопнула за собой дверь.

– Держись за его юбку, – закончила реплику Элизабет и зло посмотрела на сменившую цвет эмблему туалета, – Нечего было соглашаться ехать с тобой в отпуск. Всю жизнь только и слышу от тебя «не высовывайся!».

Семейная диктатура Марго повергла Элизабет в депрессию. «Кризис среднего возраста», – заключил психолог и рекомендовал начать новую жизнь. Марго не могла смириться с этим, люто ревновала к психологу, и заводила беседу с младшей Роверто «а может вернуться?» при каждом удобном случае. Совместный отпуск по планетам системы Гизы разрушенные отношения между сестрами не спас.

Гравитация стала слабее, шаттл скоро должен был покинуть атмосферу Салактионы. Поэтому Элизабет дождалась Маргарет, но провожать ее на место не стала, а скрылась в туалете, точно так же хлопнув дверью.

Едва Элизабет Роверто коснулась рычажка слива, снаружи раздался треск, потом хлопок, шаттл вздрогнул. Погас свет, а рев двигателей сменился тонким на грани ультразвука писком. Девушка запаниковала, заметалась по крошечной кабине, ударилась голенью об унитаз, нащупала ручку двери. Надавила. Дверь не открывалась. Элизабет налегла на нее плечом. Тщетно. Заметно похолодало. Она подышала на ладони, согревая их. Села на унитаз, прислушалась. Из салона не издавалось ни звука. Двигатели молчали. «Или это у меня что-то с ушами?» – Элизабет потеревала мочки, помассировала ушные каналы пальцами. Звук появился. За бортом.

Но тяготение сохранялось и даже, кажется, усилилось. «Мы падаем?»

Роверто провела час в абсолютной темноте, замерзая от ужаса. Будучи взрослой и образованной, она понимала бесполезность паники, но мысли путались, скакали с одного на другое. «Если я не умерла мгновенно, значит, шансы еще есть? Даже с выключенными двигателями шаттл мог зависнуть в безвоздушном пространстве на орбите. Если так, меня обязательно найдут!»

Элизабет в сотый раз надавила на ручку, и дверь неожиданно распахнулась. Дыхание перехватило от холода, зубы застучали, а слюна во рту стала вязкой. Роверто прижала руки к лицу и сквозь пальцы выглянула в салон. В дальнем конце салона у самой лестницы в трюмничком лежала Маргарет. Располагавшаяся дальше створка кормового люка отсутствовала, сквозь нее виднелось розовое небо. «Розовое небо первой Салактионы? Откуда?» – девушка обернулась к кабине.

Оба пилота были мертвы. Они по-прежнему сидели, уставившись стеклянными глазами в погасшую приборную доску, их волосы и кожа на руках, вцепившихся в штурвалы, искрились от льда. Элизабет бросило в жар от страха, интуитивно она ткнула пальцем в радиостанцию, – единственный знакомый ей прибор, светившийся лампой аварийного питания. Раздалось шипение, на дисплее красным высветились цифры аварийной частоты.

– Мэй-дэй, – произнесла Элизабет всепланетный сигнал бедствия и удивилась спокойствию своего голоса, – Мэй-дэй.

Глава первая

На два дня ранее

Воздух на границе тени и света вздрогнул, когда некто невидимый выбрался на пляж Салактионы-1.

– Он! Чтоб мне лопнуть! – Лев Саныч Абуладзе нервно вытер вспотевшие ладони о майку на животе.

Прозрачный краб перебрался на мокрый песок, и по следам, оставленным невидимыми конечностями, геолог оценил его размер: «То, что доктор прописал. Теперь держись!»

Босой ногой Абуладзе обдал добычу песком и прыгнул на ставшего видимым гигантского краба. Прижал к земле коленом, обеими руками перехватил клешню у основания и вырвал ее из панциря.

Через минуту глава и единственный участник геологической экспедиции на планете Салактиона-1, грязный, но счастливый, шагал через пляж к мангалу с метровой невидимой клешней наперевес.

Абуладзе было за пятьдесят и, несмотря на грузинские корни, выглядел он стопроцентным славянином. Русые, уже подернутые сединой и редеющие волосы. Круглое добродушное лицо. Пухлые губы. Чуть синеватый, но правильной формы нос. Лохматые темные брови. Обычные серые глаза, покрытый недельной щетиной подбородок с ямкой. Среднего роста, располневший, передвигался Лев Саныч с неуклюжей грацией вышедшего на покой спортсмена-тяжеловеса.

Сцена охоты не привлекла внимания туристов, они игнорировали чудаковатого ученого, а вот Лев Саныч рассматривал их с любопытством. Поймать краба – только половина дела. А для того, чтобы заработать на добыче, следовало быть предельно внимательным и не попасться, как воробью на мякину...

«Кто из потенциальных клиентов может оказаться налоговым инспектором? Коллектором? Напрягись, Лев Саныч. Мысли аналитически».

Худая смуглая старуха с клоком седых волос, торчащих из подмышки, наблюдала за внуком. Мальчик лет двенадцати неуверенно, по-собачьи загребая, плывал вдоль берега.

«Ревизоры? Санэпидемстанция?»

Супружеская пара, блондин и блондинка, с одинаковыми «пивными животиками» аккуратно, чтобы не испачкаться в песке, поднялись с полотенец, неспешно приблизились к берегу и плюхнулись в теплое озеро. Фыркнули как тюлени, перевернулись на спины и уверенно поплыли к другому берегу, сверкая пупками.

«Итак, кто все-таки может прищучить меня за кафе без лицензии? За наличие, так сказать, отсутствия кассового аппарата? А? Неужели никто? Правда, обошлось? Везунчик ты, Абуладзе».

Полная, монументальная, как сфинкс, пожилая мать с дочуркой лет этак тридцати вполголоса обменялись репликами. Дочь легко и грациозно вскочила на ноги, продемонстрировав окружающим тугую попку, облепленную песком. Лев Саныч шумно сглотнул:

– Пожалуй, я бы ее почистил...

Трехмесячное воздержание сказывалось, и геолог не замечал, что разговаривал вслух сам с собой. К счастью, его никто не слышал.

Девушка с улыбкой обернулась к геологу и помахала рукой. Потом разбежалась, нырнула, и ее темная голова появилась между мальчиком и тюленьей парой. «Неужели услышала? Неудобно получилось» – Абуладзе с опозданием покраснел.

Лев Саныч вздохнул, опустил добычу на решетку гриля, подтянул сползшие шорты, и за цепочку поймал пластиковый лист меню, свисавший с крышки. Еще раз осмотрелся, чтобы окончательно удостовериться в том, что его никто не пасет.

По левую его руку стальная лестница вела вверх на платформу. На нижних ступенях сидели трое подростков, затянутых в темную кожу и обутих в горные ботинки. Подростки напоминали тройняшек. Они не купались, видать, уж очень надоели они друг другу в полете и терпеливо потели на солнце. Девушку среди них Абуладзе определил по сладковатому запаху. Три месяца одиночества обострили обоняние. «Три месяца воздержания! Держи себя в руках, Абуладзе!»

На геолога никто не смотрел.

«Эх! Была-не-была! Где наша не пропадала?»

Лев Саныч плюнул на большой палец и бурым ногтем стер запятую в колонке цен на пластиковом меню. Теперь порция «краба» стоила не 4 хэнкесских фунта, а 40, пиво – не 1,5, а 15, и плоды «хлебного дерева» 10 за 10.

– Шоу не желаете? – обратился геолог к молодежи.

Подростки оживились, старуха тоже откликнулась на предложение Льва Саныча. Вчетвером они окружили гриль. Абуладзе повернул газовый вентиль, добавил жару. Сквозь рябь раскаленного воздуха клешня салактионского краба хрустнула, развернулась на всю длину решетки и стала видимой. Все двенадцать фаланг, с тарелку каждая. Зрители восхищенно ахнули.

Геолог поскреб пятерней щетину, чтобы спрятать лукавую улыбку. Сработало! Теперь единственный обитатель планеты Салактиона-1 был уверен, что путешественники, спустившиеся с орбиты размяться и осмотреть окрестности, не устоят и раскошелятся по полной программе.

Внутри каждой фаланги запекалось почти триста грамм сытного мяса. «Аля-натюрэль». Лев Саныч с видом заправского шеф-повара детской спринцовкой продул каждую фалангу воздухом сквозь крошечные отверстия по бокам. Нежный с пряными нотками аромат растекся над пляжем, озером, устремился вверх. К платформе.

Над скалами за спиной геолога десяток исполинских титановых опор удерживали стальную платформу, на которой умещались одноэтажный домик геостанции и космопирс с пассажирским шлюзом. Сейчас над ними торчал двойной киль посадочного шаттла. Космический лайнер «Норгекараван-74», к которому был приписан шаттл-челнок, оставался на орбите.

В озере болтался пришвартованный к крайней опоре плавающий ангар. Сейчас там ржавел оставшийся без пилота гидроплан – единственное транспортное средство геологической экспедиции. Но даже в те героические времена, когда двухместный самолетик еще летал, нельзя было разглядеть весь остров целиком.

Потухший вулкан высотой три тысячи метров с заполненным водой кратером, к краю которого крепилась платформа землян. Вытянутое неправильным овалом озеро в кратере с пляжами там, где скалы размыло водой. Вот, пожалуй, и все, что мог разглядеть наблюдатель с воздуха.

Океан и заросшие джунглями скалы внизу плотно укутывал ядовитый зеленый туман, опасный для человека, но, к счастью, никогда не поднимавший выше 2700 метров.

До боли знакомый и уже порядком надоевший геологу пейзаж...

– Элизабет! Вылезай! Замерзнешь! – мама-сфинкс позвала брюнетку из воды.

Подростки фыркнули. Абуладзе обменялся понимающей улыбкой со старухой. Остров с геостанцией располагался на экваторе Салактионы и замерзнуть в теплой, как парное молоко, воде было невозможно.

Девушка не ответила, а нырнула поглубже.

– Элизабет! – продолжала вопить мамаша.

Красная от смущения Элизабет направилась к берегу. Демонстративно неспеша. Лев Саныч полюбовался было упругими бедрами красавицы, по которым стекала вода, вздохнул и принялся обертывать готовую клешню в фольгу.

Абуладзе в три ходки перенес наверх печеную клешню, газовый баллон и гриль. Угол подъема составлял 60 градусов и, чтобы пользоваться лестницей, задействовать руки не требовалось.

Абуладзе уложил клешню на разделочный стол и скосил глаза на рюкзак, брошенный у двери в шлюз. Оставались еще два пассажира, чью подноготную Лев Саныч пока не просчитал.

Нескладный худощавый, но жилистый юноша. Рыжеволосый и темноглазый. Возможно, корни африканские, а может латиноамериканские? И необыкновенной красоты девушка-мулатка с кожей кофейного цвета. Ее подернутые поволокой глаза, которые бывают у коров и прекрасных дам на полотнах древних художников, притягивали к себе, как два магнита.

Парочка относилась к классическому разряду отношений «И что она в нем нашла?».

Едва коснувшись ногой платформы, парень сразу отшвырнул рюкзак и за руку увел подругу в противоположную от пляжа сторону, где по второй, уходящей вертикально вниз лестнице, можно было спуститься в рошу. Видимо, сейчас пара уединялась среди деревьев, ошибочно принимаемых ими за кипарисы.

Местное солнце, Гиза, клонилось к закату, пора было загореться звездам, которыми геолог привык любоваться за свою долгую жизнь на разных планетах. Но на небосклоне Салактионы звезд не было, и смириться с этим Лев Саныч никак не мог. «Да ладно звезды! Где планеты-спутники Гизы? Больше десятка планет земного типа, освоенных и не очень! Вон там должна быть крошечная Клиффшен, которую покинувшее Землю человечество колонизировало первой. Голубой серп гигантской Споогги виден по всей системе, но не виден на Салактионе. Почему? Где Дюрма? Где покрытая льдом Эгаро? Почему светится одна Хэнкесса – ближайшая планета, откуда прилетели туристы? И все! Дудки! На Хэнкессе звезды были видны, а на Салактионе – нет!» Прищурившись, Абуладзе всмотрелся в розовое небо и, дождавшись рези в глазах, сплюнул:

– Ну да я тебя разгадаю! И не таких раскусывал!

* * *

Когда из-за окружающих озеро скал появился белый край Салактионы-2, Лев Саньч ударил молотком по куску арматуры, служившей гонгом. Публика на пляже задрала головы, и геолог громогласно объявил:

– Дамы и господа, леди и джентльмены! Прошу подниматься на платформу. Сейчас вы станете свидетелями незабываемого зрелища! Побывать здесь и не увидеть этого, значит, не увидеть ничего!

Рекламная уловка сработала. Подростки заняли крайний стол, толстенький блондинчик опередил жену и занял второй. Усевшись, он старательно терся полотенцем и раздувал ноздри.

Здесь, на небольшой платформе между космопирсом и домиком станции, от аромата печеного краба деться было некуда. Его заказали все. Потные подростки аж по две порции.

Пока публика насыщалась, Лев Саныч с тревогой смотрел то на остатки клешни, то на лесенку в рощу. Последние клиенты задерживались, а диск второй Салактионы вот-вот должен был заслонить полнеба. Темнело. Волнение хозяина передалось гостям, но это не помешало им аккуратно расплатиться.

Каждая планета системы Гизы пользовалась собственной платежной системой, и электронные платежи проходили в режиме реального времени. Но далеко в космосе бал правили наличные, чем и пользовался сейчас Лев Саныч.

Абуладзе обошел столы, запихивая купюры в широкий карман замызганных шорт, и, перегнувшись через перила, посмотрел в рощу. «Ну же, мать вашу!»

Листья «кипарисов», словно повинувшись беззвучной команде геолога, сорвались с ветвей и обернулись тучей микроскопических птиц.

Лев Саныч называл их «колибри», потому что ни одна особь не превышала длиной пары сантиметров. С неуловимой глазу частотой колибри мельтешили крыльями, собираясь провести салактионскую ночь в воздухе.

Влюбленная парочка могла не заметить заслонившую полнеба темную Салактиону-2, что Абуладзе вполне допускал, но обезумевшие пернатые должны были напугать их. Разглядев внизу среди обнаженных деревьев парня и девушку, Лев Саныч с несвойственной ему поспешностью, кряхтя и ругаясь, соскользнул по лестнице вниз и углубился в рощу.

Парень прижимал красотку к себе так плотно, что она буквально утопала в его объятиях. Оба закрыли глаза и слились в страстном поцелуе. Пусть весь мир подождет...

Лев Саныч вздохнул и деликатно покашлял в кулак. Парочка встрепенулась.

– Пора, голуби мои! Сейчас тут будет опасно и... мокро.

Налетевший шквал растворил в себе все остальные звуки. Приходилось работать мимикой и жестами.

Геолог указал туристам в конец аллеи, и девушка первой потянула юношу за руку. На Абуладзе влюбленные не смотрели. Парень спотыкался и норовил отстать. При этом джинсы его топорщились от неизрасходованного любовного пыла.

У лестницы Лев Саныч вклинился между ними и энергично принялся подпихивать девушку за попу снизу. Чуть тщательнее, чем нужно. Девушка упорхнула вверх, опередив мужчин.

И тут началось!

Почерневший в сумерках внизу туман вздохнул, и неподвижная платформа словно подавалась навстречу пучине. Но иллюзия падения длилась несколько секунд. Пенистые валы с востока поглотили туман и, величаво переваливаясь, захлестнули остров. Мириады тонн воды, притянутые Салактионой-2, взвились вверх, ворвались в рошу, норовя сломать и унести с собой голые «кипарисы», но те, привычные к ежевечернему приливу, впились в почву цепкими корнями. Волна цунами, уже готовая поглотить замешкавшегося на лестнице туриста, ударила в опоры.

Но Лев Саныч был начеку. Он перегнулся через верхнюю ступень и протянул парню правую руку:

– Ну?!

Парень протянул геологу левую руку, прижимаясь грудью к правой, которой цеплялся за лестницу. Абуладзе мысленно выругался, сменил руку и выдернул-таки юношу на платформу, левой за левую. Тихое «спасибо» утонуло в грохоте волны, ударившей точно в то место, где всего пару секунд назад находился юноша. Ошеломленные парень и девушка присоединились к зрителям.

Прилив поднялся почти до самой платформы, но волны закружились в одном сплошном бескрайнем водовороте, захлестнули кратер, водопадом обрушились со скалы, накрыли пляж. Тонкая водная взвесь, поднятая приливом, висела в воздухе, забивая людям бронхи, проникала под легкую одежду, обволакивала кожу сыростью. На мгновение волны сменили направление так, что платформа оказалась внутри водоворота и, казалось, должна была утонуть. Но иллюзия снова развеялась, вода поглотила скалы и, издав предсмертное шипение, успокоилась. Привязанный стальными тросами ангар всплыл и оказался выше геостанции и космопирса. На его крыше вспыхнули аэронавигационные огни.

Салактиона-2 заслонила собой все, осталась лишь узкая полоска серого неба. Пляж и кратер скрылись под водой, и платформа стала тем, чем проектировалась изначально – океанской платформой.

Туристы зашевелились, загомонили, спеша поделиться впечатлениями. Шаттл подал гудок. Низкий и пронзительный. Створки двери шлюза раздвинулись, и высунувшийся оттуда толстенький блондин в форме космофлота скомандовал туристам собираться. Повинуясь команде, люди построились в шеренгу и друг за другом стали подниматься по ступенькам. Раз, два, три. К двери, которая с шипением раздвигалась, а затем снова закрывалась. Лев Саныч суетливо убирал с пластиковых столов посуду и уговаривал сам себя: «Не смотри!»

Не получалось. Он, то и дело отвлекаясь и тоскливым взглядом провожал каждого путешественника, исчезавшего за дверью. Впереди было несколько месяцев вахты. «Причем, если центр не пришлет нового пилота – в гордом, мать его так, одиночестве. Как бы «крыша не съехала»».

Юноша крепко держал девушку за руки. Не отрываясь, влюбленные смотрели в глаза друг другу. Когда на платформе никого, кроме них не осталось, Абуладзе кашлянул. Пара не обратила на него ни малейшего внимания. Лампа вспыхнула красным и издала тревожный звуковой сигнал. Юноша, наконец, расцепил пальцы, бессильно уронил руки вдоль бедер. Глубокие грустные тени запали под высокими скулами. Даже рыжий «ежик» на голове торчал не решительно, как наверняка было задумано, а жалостливо. Льву Санычу захотелось погладить его, как щенка, которого отлучили от матери.

Девушка направилась к лесенке в шлюз. На ней были белые спортивные кроссовки и шортики, настолько миниатюрно-узкие, что четко различалась складка под ягодичками.

Лев Саныч мысленно лизнул эту складку, и облизнулся на самом деле. Над шортиками темнела тонкая, как стебелек цветка, талия, а выше был тугий топик, с такой сложной системой защелок-шнуровок, что Абуладзе решил для себя: «Пожалуй, я его расстегнуть не сумею».

Девушка взмахнула тугим хвостиком волос на затылке, но не обернулась и исчезла за дверью.

– Лев Александрович Абуладзе? – официальным, но по-цыплячьи тонким голосом уточнил юноша.

«Вляпался-таки!» – Геолог мысленно, но очень витиевато выругался и, не оборачиваясь к парню, провел ладонью по карману, где мялась «левая» выручка. Ему вдруг стало смешно. Он собственноручно спас того, кто сейчас разделает его под орех.

Направленные вниз двигатели приподняли шаттл над пирсом и обдали оставшихся мужчин теплой волной выхлопных газов. Шаттл завис, гондолы с двигателями повернулись горизонтально, и космический челнок с ревом устремился ввысь «по-самолетному», быстро превратился в яркое пятно на фоне «второй» Салактионы.

– Разрешите представиться! Чарльз Кутельский! Прибыл для дальнейшего несения службы! – затараторил молодой человек. – Ваш новый пилот! Временный...

Юноша вздохнул. А уж как вздохнул Абуладзе! Во всю мощь легких. С неимоверным облегчением. «Пилот... Временный... Не спалился! Пронесло!» Геолог обернулся к новому напарнику:

– Александрович – слишком длинно. Можно просто Саныч.

Пилот кивнул, а Лев Саныч продолжил:

– Поздравляю вас, Чарли.

– С чем?

Геолог указал рукой на шлюз. Дверь тут же открылась, и на ступеньках возникла растерянная девушка, опоздавшая на шаттл. В руках она нервно теребила оставленное кем-то полотенце. Девушка спустилась на платформу, дважды обернулась, как будто не верила, что шаттл улетел. Мужчины глубокомысленно молчали. Девушка приблизилась к своему парню и выразительно посмотрела ему прямо в глаза. С упреком и страданием. Но ничего не сказала. Лишь ее грудь часто вздымалась, словно она пробежала стометровку. Потом она протянула геологу руку.

– Моника. Моника Витовв.

– С двумя «ф» на конце? – поинтересовался Абуладзе.

– Нет. С двумя «в»...

– Но, Моника! Я не мог знать, что ты опоздаешь! – воскликнул Кутельский.

– Знал! Все ты знал! Специально так сделал. И не называй меня милой!

В голосе ее звучали капризные нотки, но она быстро взяла себя в руки и коротко бросила геологу:

– Куда? Мне?

«Опаньки, у меня появились шансы! – вместо того, чтобы ответить Монике, Лев Саныч рассматривал ее в упор, ничуть не стесняясь. – М-да. Спальню ей придется уступить. Тут уж хошь не хошь, а придется погалантничать».

Девушка покраснела и опустила глаза. Лев Саныч почесал босую ногу об икру, с деланным сожалением вздохнул.

– Идите за мной.

Он направился к домику геостанции. Похолодало.

Вонь сгоревшего топлива медленно таяла в сгущавшемся тумане, окончательно стирая воспоминания об улетевшем шаттле. Три человека на планете, на непонятной, лишь поверхностно изученной Салактионе. Три чуждых этому миру существа, которым теперь предстояло выстраивать отношения между собой.

* * *

Здание геостанции было вполне себе стандартным. Такие компания штамповала на всех планетах, которые осваивала.

Однако здесь оно напоминало самого Абуладзе. Нет, ни грузным, ни кривоногим домик геостанции не был. Дело касалось не внешнего вида строения, а его ауры, духа, на которые наложила отпечаток личность хозяина.

Что-то едва уловимое и неосязаемое в стенах и крыше словно бы говорило: «Гляньте-ка на меня! Я тоже – Абуладзе».

Геолог распахнул дверь. За ней находился склад. Два ряда стеллажей с коробками, тюками, приборами образовали коридор. Вторые и третьи ряды стеллажей по обе стороны местами пустовали, а полки были заполнены образцами породы, колбами и пробирками. Освещения не хватало.

Абуладзе провел новых знакомых по этому проходу в жилую зону, где крохотная кухня пахла не едой, а химикатами. Та еще обстановочка. Холостяцкая, можно сказать. Круглые иллюминаторы под потолком. Медицинский сканер у левой стены – кушетка на колесах с томографом в изголовье, а между ним и стальным холодильником приоткрытая дверь, ведущая в темный коридор.

Лев Саныч повернул один из выключателей рядом с дверью и добавил света.

Плита, кофеварка и кухонный комбайн – все подходящие горизонтальные поверхности были заставлены невымытой посудой, грязными колбами, усыпаны каменными крошками и песком. Зона рабочего кабинета геолога начиналась прямо посреди кухни: рыжее кожаное кресло уживалось с небрежно сколоченной из поленьев подставкой для ног. Клавиатура мерцала голограммами букв в кресле, на широком рабочем столе ученого ей не хватило места. Открытые справочники, стопки книг, планшет, клубки проводов, вездесущие колбы, соединенные трубками, тиски, россыпь слесарных и столярных инструментов – заваленный всем необходимым для исследований стол был повернут боком к кухне и лицом к правой стене на расстояние, достаточное для прохода. От стола до потолка на правой стене крепился трехметровой ширины монохромный экран, на котором светилось развернутое в плоскость изображение Салактионы-1, испещренное пометками.

– Ниче се! – Моника по-детски наивно распахнула глаза.

Кутельского богатства геолога не зацепили, преданными щенячьими глазами пилот смотрел на девушку и впитывал ее восторг.

Абуладзе отыскал среди сушившихся на крюках тряпок фартук и вручил его Монике. Полотенце отобрал.

– Что это? – Моника повертела фартук в руках.

– Тест на профпригодность! – буркнул геолог. – А я приготовлю вам комнаты.

Нахмурившись для пущей солидности, Лев Саныч отправился к стеллажам искать постельное белье.

Моника задумчиво осмотрела фартук, расправила, отыскала прорезь для головы, надела и беспомощно захлопала себя по бокам в поисках завязок.

– А завязок-то и нету, – геолог прошел мимо молодых людей со стопкой простыней в руках, – На кой они сдались? Ежели на узел завяжутся, кто мне его развязывать-то будет?

Абуладзе прижал простыни подбородком и ухитрился потянуть дверь на себя. За ней был микроскопический холл: прямо – санузел и две спальни по бокам.

Сам Лев Саныч решил ночевать в лаборатории.

Когда он исполнил обязанности горничной и спустя полчаса вышел из душевой, то стал свидетелем душераздирающей сцены. В наполненной чадом кухоньке Моника кормила с рук

своего пилота. Слезы стояли в глазах Чарли, но он покорно жевал печенье. Помирившиеся влюбленные перемазались мукой с ног до головы, чему геолог усмехнулся.

– Ну как? – Лев Саныч обратился к юноше. – Наша гостья тест прошла?

– Тест? – бушующие гормоны ударили Чарли Кутельскому в голову и мешали соображать. – Какой тест?

– Меня мама научила печь печенье! – радостно возвестила Моника.

Пилот пришел в себя и бережно кончиком пальца начал счищать муку со смуглой щеки девушки. А так как руки у него были в муке, то личико Моника стало выглядеть совсем по-детски.

– Так точно! Одна сторона чуть-чуть подгорела, но ее можно не есть!

Чарли протянул Льву Санычу блюдо с печеньем, наткнулся на укоризненный взгляд девушки и покраснел.

Геолог откусил печенье, благодарно кивнул. Включил кофейник, осмотрел потолок.

– Пожарка отключена! Энергию экономлю. А в целом да. Отлично, хорошо, даже удовлетворительно. Спасибо. Вы же не будете сейчас спать?

Вопрос был риторическим. Абуладзе плюхнулся в кресло, вытянул босые ноги, пошевелил пальцами. Теперь все, как загипнотизированные, смотрели только на них.

– Так-с. Сутки здесь всего на два часа длиннее земных, распорядок дня стандартный. Когда вторая Салактиона убирается на ту сторону, у нас – день, полеты, полевые исследования и работы на станции. Я спать восемь часов уже не могу, потому по ночам тоже работаю.

Лев Саныч сделал паузу, хозяйским взглядом осмотрел лабораторию.

– Да вы присаживайтесь, в ногах правды нет!

Никаких стульев в лаборатории не было и в помине. Моника и Кутельский беспомощно огляделись.

Лев Саныч хлопнул себя по лбу и без обиняков перешел с Кутельским на «ты».

– Сгоняй, с улицы притащи.

Пока Чарли ходил за стульями, Лев Саныч маленькими глоточками пил кофе и с удовольствием разглядывал Моника. На девушке по-прежнему был фартук, и геолог фантазировал на тему: «А как она будет смотреться в одном только фартуке?»

Моника медленно ходила по проходу вдоль экрана, изучая изображение Салактионы. Ее кофе остывал.

Кутельский поставил свой стул рядом с креслом геолога, подчеркивая, что он второй по званию на планете.

– Не знал, что такие экраны еще существуют. Монохромные.

– Зато батареи хватает на 21 день, а в цветном режиме – только на 8 часов. У меня тут, Чарли, нет атомного реактора. Только солнечные панели.

Молодежь продолжала пялиться на экран. Абуладзе сделал еще глоток и продолжил:

– И потом. Насмотришься за день в экран, кошмары снятся. Пусть уж лучше черно-белые, чем цвет...

Абуладзе умолк, приподнялся в кресле. Теперь и его привлекло изображение на экране. Он задумчиво уставился в пустое место на схеме планеты.

Первой нарушила молчание Моника.

– Интересно, вы на этой планете один, взаперти на станции, а пилот? Заболел?

– Ногу сломал...

– И не скучно?

– Интеллигентному человеку никогда не скучно, – Лев Саныч Абуладзе продолжал рассматривать схему Салактионы, – Исследование образцов, анализ показателей сейсмодронов. Флора, фауна. Да и море тут столько всего оставляет...

– Вы еще и биолог? – Кутельский обернулся к Льву Санычу.

– Да нет, что вы. Так. Вершки. Съедобное – несъедобное...

Абуладзе допил кофе и подошел к кухонному столу поставить чашку. С трудом отыскал свободное место.

– А почему планету исследуют всего два человека? – поинтересовалась Моника, не обращаясь.

– Все, что мы отыскивали на Салактионе полезного, недостаточно для колонизации. Добыча в промышленных масштабах нерентабельна. Но на планете есть гибсоний, я нашел немного. Похоже, что Салактиона его вырабатывает. Очень редкое во вселенной соединение здесь – возобновляемый ресурс. Сказка. Но как? Где? Откуда? Каким образом? – Лев Саньч потер переносицу. – Интересно другое. Видите ли, Салактиона – двойная планета. Двойные звезды человечеству известны, но двойные планеты... С точки зрения астрофизики, это невозможно. Два твердых небесных тела, примерно одного размера, с атмосферами, вращаются относительно друг друга, не притягиваются и не разлетаются. Так не бывает. Что-то здесь не то.

Парочка внимательно слушала, но если Кутельский смотрел на Льва Саньча, то Моника тонкими, почти прозрачными пальчиками касалась значков на экране.

– Это же формула Скруджа-Григорьевой? – Моника ткнула пальцем в экран.

Мужчины изумленно застыли с приоткрытыми ртами, переглянулись.

– Да, – Абуладзе быстрым шагом вернулся к креслу, схватил клавиатуру и сделал формулу крупнее.

– Не хотите рассмотреть ее, как частный случай? – спросила Моника.

Абуладзе взглянул на Моника с усмешкой:

– Хочу! Мы сейчас утверждаем, что эта пара получила свою премию за формулу с ошибкой?

– Нет!

Мужчины выжидающе смотрели на Моника.

– В формуле четыре константы...

– Уже, – перебил Абуладзе и замолотил по клавиатуре. – Я запустил компьютер перебрать другие значения для этих констант. Так, чтобы формула не потеряла смысл.

– И?

– Без толку. Вот наиболее похожие варианты, – их геолог вывел на экран, – Моника, а вы астрофизик?

– Нет, что вы! – девушка дурашливо захлопала ресницами.

«Переигрывает. Строит из себя дурочку», – Лев Саньч поморщился.

Чарли Кутельский нервно зашагал вдоль экрана.

– Разрешите? – пилот убедился в том, что привлек внимание собеседников. – Может, найдем способ отправить Моника... с планеты?

– Я думаю на шаттле девушку хватятся, завтра покажут туристам огненные реки Салактионы второй, и послезавтра вернуться за вашей Моникой.

– А связь с ними есть?! – Чарли обрадовался.

– Пока «вторая» нас заслоняет, связи не будет.

Все посмотрели на шкаф с комплексом космической связи, отделявший компьютерный экран от кухонных шкафчиков. Моника подошла к нему:

– И мощности для передачи хватает?

– Только для приема. Для передачи, чтоб спасательный шаттл, например, вызвать с Хэнкессы, приходится запускать зонд в стратосферу. Но зачем лишний раз начальство беспокоить?

«И внимание банкиров лучше к себе не привлекать, милашка, – добавил геолог уже про себя, – У этих толстосумов семь пятниц на неделе. Лучше уж сидеть, как мышь под веником и не баловаться с зондами».

– И завтра я успею осмотреть всю первую Салактиону? – Моника развела руки похлопать в ладошки. – Ведь так?

– Моника...Хватит прикидываться дурочкой, – Лев Саныч устало посмотрел перед собой, – Вам не идет.

Моника изобразила понимание, но хлопать своими ресничками-сестричками не прекратила.

– Путеводитель читали? Зеленые облака у подножия горы ядовиты. Тропические леса вырабатывают зигрит. Он тяжелее кислорода, потому наверх не поднимается. Но для человека смертелен. В рюкзаке Чарли наверняка есть персональная маска для дыхания. И у меня есть. А у вас, Моника, багаж состоит из одного чужого полотенца?

Девушка кивнула.

– Значит, забудьте. Может быть, если пилот позволит, – Абуладзе скептически посмотрел на Кутельского. – Мы возьмем вас утром на борт флаера. Тот герметичен. Но не более того. Собрать цветочки не получится.

Абуладзе снова потер переносицу и представил Монике в веночке из ромашек. В одном только веночке. Получалось неплохо. Очень даже неплохо.

– В ангар заглянем? – отвлек геолога от эротических мечтаний пилот.

– Конечно! – Лев Саныч встрепенулся.

– Я с вами! – девушка первой направилась к выходу. – А часто сюда прилетают туристы?

– Салактиона – симпатичная планета, но все же захолустье. Редко.

Абуладзе прихватил со склада алюминиевую стремянку, которую как лестницу приставил к крыше ангара. Первым забрался наверх, подал руку девушке.

Солнечные панели покрывали крышу ангара почти целиком, троица гуськом добралась до стеклянных ставней. Внутри горел яркий свет.

Лев Саныч рычагом открыл ставню, боком протиснулся вниз, снова подал руку Монике.

– Осторожно, пожалуйста!

Антресоль тянулась вторым этажом вдоль П-образной стены ангара вокруг накрытого пыльным брезентом гидроплана. Из отсутствующей четвертой стены с моря тянуло сыростью. Лампы, встроенные в проемы между окнами в потолке, светили на рядки, занимавшие всю антресоль за исключением узкого прохода.

– Это – моя оранжерея! – Абуладзе бросил осторожный взгляд на Кутельского.

– Ячмень? – Моника потерла стебель.

– Ага! А вон там, – Лев Саныч указал за спину злого Чарли, спустившегося последним. – Моя гордость. Хмель!

– Поэтому вам не хватает электроэнергии? – саркастически заметил пилот.

Абуладзе сложил ладони на животе:

– Ну да. Ячмень дает два урожая в год. Солод получается божественный. Хмель... Это – мой секрет.

Геолог вздохнул.

– Так вот что это за запах, – Кутельский сделал глубокий вдох.

– Пиво продаете? – Моника с улыбкой посмотрела на пузико геолога.

– Только туристам, – Лев Саныч вздохнул еще раз, – То, что остается. Идемте, я вас угощу!

– Лев Саныч, но здесь придется навести порядок, – Кутельский перевесился через перила и потрогал корпус гидроплана. Осмотрел кончики пальцев в поисках ржавчины, – Флаер из-за этих бочек я не смогу выкатить.

– Это – котлы, а не бочки.

– А мое рабочее место где?

Геолог нетерпеливо ткнул в темноту под антресоль по другую сторону флаера:

– Там и склад, и опреснитель, и генератор, и подъемник... Я ничего не трогал после Юры. Они вернулись в дом. Абуладзе извлек из холодильника бутылку из-под воды, наполовину заполненную янтарного цвета напитком, нацедил три стакана пива.

Один подал Монике, стоявшей у кухонного стола, второй отнес севшему на стул пилоту.

– Как оно?

Девушка дождалась, пока Чарли оценит напиток. Лишь когда тот одобрительно крякнул, пригубила и, дождавшись, когда внимание мужчин сосредоточится на ней, эротично слизнула кончиком языка пену с верхней губы.

Кутельский допил стакан залпом, вскочил, наклонился за рюкзаком:

– Моя комната где?

– Справа, – отозвался Лев Саньч.

По пути Чарли зацепился рюкзаком за стеллаж, внутри что-то звонко и нехорошо звякнуло.

– Ой!

Испуганный Кутельский, не глядя ни на девушку, ни на геолога, быстро юркнул к себе в спальню.

– Еще один загадочный клоун, вы давно знакомы-то? – улыбнулся Абуладзе.

– Не. Недавно. На корабле познакомились.

Моника покраснела, словно была в чем-то виновата, и отвернулась, собираясь уходить. Геолог проводил ее плотоядным взглядом.

Потом посмотрел на формулу, застывшую на мониторе.

«Так-так. Если эта формула неправильно описывает гравитационное поведение обеих Салактион, значит геологическая модель планеты неверная. И гибсоний я ищу не там, где следовало бы. М-да. И попка хороша. И веночек из ромашек – самое то...»

Глава вторая Композитор

Вроде бы ничего особенного, но уснуть в первую ночь на новой планете способен только обладатель кожи слона и нервов, толщиной с канат.

Кутельский не имел ни того, ни другого. Наоборот.

Ворочаясь в своей постели, Чарли вспоминал о том, как его родители в один голос твердили, что у сына чересчур тонкая душевная организация.

«Очень может быть...»

Но пилотом истребителя космического флота Кутельский стал вопреки желанию родителей.

«Хотя зачем себя обманывать? Я же видел свое досье. «Неуравновешен. В экстремальной ситуации теряется. В быту склонен к меланхолии. В бою на Эгаро проявил героизм. Награжден медалью за храбрость». Медальку в утешение дали и списали по ранению. Но я им еще покажу меланхолика!»

Чарли вздохнул, сел: «Нет, уже не уснуть».

Пилот оделся и направился в ангар. После тщательной инвентаризации он навел порядок среди инструментов и оборудования. Теперь все было отсортировано по размеру, отмыто, вычищено. Все, что можно было упаковать, Кутельский аккуратно обернул в пластик. Несколько раз пилот обошел стеллажи, запоминая, что где лежит. Кое-что подписал маркером. Окинул взглядом плоды своего труда. Идеальный порядок.

Затем настала очередь техобслуживания флаера. Геолог не ухаживал за аппаратом, и, оставшись без хозяина, гидроплан местами заржавел. Кутельского удивили турбовинтовые моторы в гондолах, хотя данная модель обязательно оснащалась стандартными плазменными двигателями. «Плазма» позволяла покидать пределы атмосферы. Кутельский прикинул, что можно добраться даже до Салактионы-2. Пара «родных» движков в оригинальных ящиках отыскалась в дальнем углу между цистернами, полными топлива. Все – в заводской смазке.

«Разбудить Абуладзе, спросить, что за хрень?»

Вместо этого Чарли вооружился шлифовальным аппаратом. Уже счистив ржавчину, с опозданием понял, что жужжанием шлифмашины мог разбудить не только геолога, но и Монику.

Тут пилот испытал укол ревности: «Ей интереснее с этим старым козлом! Формулы, константы... А я что? Простой пилот. То взлет, то посадка... Анабиоз».

Кутельский укладывался спать в выделенной геологом комнате. Сон не шел, злость и ревность мешали отдаться в объятия Морфея, несмотря на усталость.

Чарли пошевелил раненой когда-то рукой. Она зажала и вызвать жалость у бесчувственной Моники никак не могла. «Ну вот, допрыгался. До любви через сочувствие».

За стеной спальни непрерывно и надоедливо журчало. Уходящая Салактиона-2 утягивала за собой лишнюю воду. «Какой тут к свиньям собачьим сон?! – Чарли Кутельский вскочил с койки, – я – боевой пилот, подумаешь, списан по ранению, теперь должен летать в этом медвежьем углу, да еще и на полставки, и на птичьих правах! Получался каламбур. Пилот на птичьих правах. Но на гражданке все так начинают. И приходится подчиняться непонятно кому. Все! Хватит! Выспался!»

Он извлек из рюкзака заветный сверток, выглянул в лабораторию. Абуладзе храпел так, что свет от непогашенного экрана дрожал. Чарли с неприязнью посмотрел на рыхлое брюхо геолога. «Накрылся бы он одеялом что ли? Для приличия. Какая тут гравитация? 87 процентов от земной стандартной? Значит, лишний вес без спортивных занятий скоро станет и моей проблемой! И Моники тоже».

Пилот распахнул дверь и обмер на пороге.

«Вот так рассвет! Кр-ра-со-ти-ща!»

Платформа плыла в розовом тумане. Как плот, на котором вместо флага на перилах сохли трусики Моника.

Чарли уселся на край и опустил ноги в облачную реку. Туман не позволил увидеть отлив. Густое марево струилось, свертывалось в немыслимые жгуты и создавало иллюзию безбрежной реки.

Кутельский принялся чертить кончиками пальцев узоры на туманной поверхности. Они тут же исчезали. Чарли увлекся этим занятием как мальчишка. Осмотрел пальцы в надежде увидеть следы, но руки остались чистыми. Туман как туман. Облака как облака.

Потом пилот застучал пальцами по розовому покрывалу, как по клавиатуре.

«О! Вот оно! – Вдохновение было совсем рядом, – О, Моника!»

– Спице, зайчики, спице дальше, – прошептал Чарли и извлек из свертка саксофон.

Музыкальный инструмент отливал розовым, как и все вокруг. Кутельский осмотрелся. Окружающий мир отличался только оттенками. Розовое небо, река розового тумана стала чуть ниже, даже металлическая решетка платформы – розовая.

Чарли настраивал не просто саксофон, а вершину музыкальной электронной технологии. Инструмент сочетал в себе все виды звучания сакса от самых древних до новейших инструментов.

Пилот сунул в уши наушники, отключил на саксофоне звук, включил запись и сосредоточенно уставился на Хэнкессу. Именно эта ближайшая к Салактионе колонизированная планета отражала свет Гизы и окрашивала все вокруг в розовое.

«Теперь главное – очистить мозг от суетливой текучки и ждать... Оно придет. Вдохновение обязательно придет», – пилот робко дотронулся до клапанов и вдохнул в саксофон первый аккорд. Потом закрыл глаза и не увидел, и не услышал, как рассвет менял ландшафт вокруг. Даже сонный Абуладзе, грубо вторгшийся в чудное утро, чтобы помочиться с платформы, скептическим хрюканием не помешал Чарли.

Потом проснулась Моника, с любопытством обошла юношу, звука ее шагов Чарли тоже не слышал. Бесцеремонно уселась рядом – никакой реакции. Тогда Моника выдернула из уха пилота один наушник, вставила себе, прислушалась.

– Ух, ты!

Чарли посмотрел на девушку с благодарностью, но так, словно видел ее впервые. Моника была в футболке Абуладзе с длинными рукавами, надетой на голое тело.

– И что ты пишешь? – шепнула Моника, когда они снова встретились у кофейника. Она именно так и сказала не «сочиняешь», а «пишешь». При этом она вздохнула чуть глубже, чем нужно.

– Симфонию, – заговорщицки прошептал Чарли.

Он находился в таком творческом трансе, что призывно торчащих сосочков подружки даже не заметил.

– Здорово!

«Зря она это сказала. Да еще таким тоном». Восхищение девушки показалось пилоту неискренним тем более, что Моника услышала не самый лучший вариант мелодии.

И Чарли Кутельский рассердился.

– Я никогда не даю слушать свои работы, пока они мне самому не начнут нравиться, – и, наткнувшись на сожаление во взгляде Моника, отзеркалил его: – Обычно не даю...

Лев Саныч Абуладзе вышел из душевой в свежей майке и влажных после «стирки-сушки» шортах, фыркнул, вытирая распаренное лицо:

– Чарли, а вы этой дудкой серьезно увлекаетесь?

Кутельский задохнулся от гнева: «Назвать сакс дудочкой?» И сухо ответил:

– Мне врачи прописали. Чтобы нервы в руке быстрее срастались. Но на исполнении должностных обязанностей это не скажется. Обещаю.

– Чарли! Пишет! Симфонию!

Моника с восхищением посмотрела на пилота снизу вверх.

– И?

Геолог уселся в кресло.

– Что и? – набычился Кутельский.

– Толк-то есть? – Лев Саныч забросил ногу на ногу.

– Какой толк?

– Положительный денежный поток... Бабки, в общем и целом, капают?

Было сложно понять, завидует Абуладзе таланту Чарли Кутельского или просто издевается.

– Вы считаете, что искусство существует только ради денег? – Кутельский приготовился к длительной дискуссии.

Геолог пожал плечами, посмотрел на Моника, которая в этот момент наливала себе воду, и предположил:

– Ради восторгов поклонниц?

– Это – большая форма, не могу сказать, вот окончу, будет видно.

– А мне кажется, Лев Саныч прав, – Моника поднесла стакан к губам и поверх него со смешинкой посмотрела на Кутельского, – Зачем биться над симфонией начинающему композитору, если можно сочинить гениальный шедевр на шесть аккордов?

«Ей не понравилось», – решил Чарли и взглянул на девушку глазами побитой собаки.

Геолог удивленно умолк и уставился на Моника.

Она повернулась лицом к Чарли и боком к Абуладзе. Грудь четко обозначилась под футболкой, а голос зазвенел колокольчиком:

– Вот смотрите, кто-нибудь помнит авторов древних рождественских песенок? А ведь они принесли авторам состояния! И кормят их наследников до сих пор!

– Вы хотите оставить от моей симфонии шесть аккордов? – Кутельский чуть не заплакал, он даже перешел с Моникой на «вы».

– Но пусть это будут шесть гениальных аккордов! Только представьте, что твоя... мелодия будет играть при открытии миллионов лифтов по всей вселенной! Например...

– И приносить полпенни за тысячу проигрышей! Сможете купить Салактиону. Или даже обе, – добавил геолог.

Кутельский недоверчиво посмотрел на Абуладзе, потом на Монику.

– Что вы на меня так смотрите? Разве мы прилетели сюда не ради денег? – разошелся геолог. – Вот я честно признаюсь, чтобы все мои долги вернуть, я должен работать на «Гала-Гео» еще 478 лет! Если чуда не произойдет. А чудес в наши прагматичные времена, увы, не бывает. Салактиона – рай, но даже здесь я не чувствую себя свободным из-за долгов!

– Чарли, а давай, я тебя зарегистрирую в облаке композиторов-любителей? Их музыку иногда покупают. И даже по чуть-чуть платят! – смешинка из голоса Моники никуда не делась.

Кутельский обиженно пожал плечами и не ответил.

– Ладно, Чарли, летаем сегодня? Все позавтракали? – Лев Саныч оттолкнулся обеими руками от подлокотников кресла и пружинисто встал.

Подошел к комплексу связи и взглянул на пустой экран входящих сообщений:

– Моника, странно, но вас почему-то не хватились. Дела-а-а...

* * *

Добиться полного слияния с техникой. Дождаться момента, когда начинаешь чувствовать себя частью гидроплана. Его деталью. Лишь после этого ты можешь называть себя пилотом и не опасаться того, что флаер тебя подведет.

Чарли Кутельский всегда ждал этого сладостного ощущение, которое приходило само по себе, и которое нельзя было вызвать по своему желанию.

Пока симбиоза не произошло, но он был уверен: еще немного и...

Чарли крутанул штурвал, и легкий флаер, послушный пилоту, выполнил вираж.

– Ого!

Только после возгласа Моники Кутельский вспомнил, что девушка не пристегнута, а стоит между парой сидений и грузовым отсеком.

– Прошу прощения, увлекся, – он скосил глаза на равнодушное лицо геолога.

Моника отпустила спинку кресла Абуладзе и посмотрела побелевшую руку на свет. На девушке были вчерашний топик и шортики, в которых она выглядела очень спортивной и подтянутой.

Чарли выровнял гидроплан и выглянул в боковое окно.

Вертикальный мир Салактионы, освещенный Гизой, был виден как на ладони. Воздух над морем оставался чистым. Береговой черты не было, там клубился густой зеленый туман, из которого торчали исполинские скалы.

– Эта зеленая гадость и есть зигрит? – уточнил Кутельский.

Он слышал дыхание Моники. Девушка тоже смотрела в окно у него за спиной.

– Насколько я помню физику, – поддержала она разговор. – Прилив должен выталкивать зигрит выше, ближе к станции. Но этого не происходит. Почему?

– Зигрит легче воздуха только на солнце. Едва Гиза уходит за горизонт, даже незначительного понижения температуры достаточно, чтобы зигрит выпал в виде осадков.

– А если Гиза затянута облаками?

– Зигрита нет.

– Значит можно спуститься вниз без скафандра?

– Какая вы любознательная девушка! Нам спускаться без дыхательной маски запрещено инструкцией.

Лев Саныч был чем-то недоволен, и Кутельский обернулся к нему, чтобы понять чем.

Моника не унималась:

– А если зигрит выпадает в море в виде дождя, почему вода не ядовита?

– Зигрит опасен только для дыхания, а растворенный в воде – нет, – процитировал путеводитель Чарли.

– Он присутствует в воде в незначительных дозах, но наш опреснитель справляется, выводит его вместе с солью, – пояснил Абуладзе, – А когда вторая Салактиона уходит на другую стороны первой, уровень океана опускается, растения оказываются на солнце и генерируют новую порцию зигрита. Круговорот. Все! Лекция окончена.

Чарли Кутельский убедился, что гидроплан скользит в атмосфере Салактионы ровно, и откинулся в кресле:

– Какие будут указания, шеф? Машинка работает безупречно. Послушная. Обещаю не лихачить.

– Опуститесь пониже.

– Есть опуститься пониже!

Геолог вывел на экран навигатора часть знакомой схемы планеты – было видно, что он уже летал здесь с предшественником Чарли. Лев Саныч посмотрел на Монику, словно ожидал от девушки одобрения, и ткнул пальцем пустую область ниже пометок:

– Сегодня будем собирать образцы грунта вот здесь. Слепым полетам обучены? – И, не дожидаясь ответа пилота, скомандовал: – Моника, меняемся!

По-медвежьи тяжело геолог выбрался к боковому окну – легкий корпус фляера покачнулся в воздухе, но Кутельский удержал его на курсе. В дружественных человеку атмосферах вместо окна обычно оборудовался пулемет, в салактионском исследовательском фляере из-под правого окошка тоже торчал ствол.

Абуладзе пропел:

Все выше, и выше, и выше,
Стремим мы полет наших птиц!

И начал по одному выстреливать сейсмодроны, целясь между плывущих в тумане скал. Вокруг клубились зеленые облака, и проследить полет дронов до конца не удавалось.

– Неужели вы так хорошо видите? – восхитилась Моника.

– Дроны – роботы. Приблизившись к скале, они самостоятельно сканируют грунты и находят, куда присосаться.

При слове «присосаться» Моника облизнулась. Лев Саныч прекратил стрельбу и посмотрел на пухлые губки девушки.

– Але! – напомнил о себе Кутельский. – Долго еще? Видимость ухудшается.

Все посмотрели в лобовое стекло – по курсу фляера стали появляться отдельные массивные глыбы. Теперь пилоту приходилось маневрировать между скалами и берегом.

Лев Саныч вернулся к работе, регулярно отвлекаясь на часы и экран компьютера.

– Осталась три дюжины дронов, рискнем потратить все? Сейчас берег уйдет вправо.

– Где наша не пропадала?! – Кутельский снова заложил лихой вираж, и лобовое стекло покрылось брызгами.

– Ой, мамочки! – воскликнула Моника.

– Идем на бреющем, а с этой стороны острова зыбь. У нас же остров, а? Лев Саныч? – уточнил Чарли, не отрываясь от приборов.

Геолог не ответил, а скомандовал:

– Пару часов болтаемся здесь, надо позволить дронам хорошенько вгрызться, и ложимся на обратный курс.

– Есть! – Кутельский нажал на кнопку, и винты фляера повернулись вверх, превратив его в вертолет.

– Садиться будем ночью, после прилива.

Гидроплан начал плавно подниматься и окунулся в обычное белое облако.

Вздымая ввысь, наш аппарат воздушный,
преодолев пространство и простор...

...Заодно радар проверим, – оборвал собственную песню Кутельский и заново запустил диагностику приборов.

Возвращавшиеся дроны стучали по борту, как будто кто-то невидимый кидался в флаер камнями. Сейчас роботы напоминали не стрелы, а пауков, раздувшихся от съеденной ими породы. Впившись в борт, они, дробно перебирая лапками, сами забирались в грузовой контейнер. Флаер при этом вздрагивал, как от щекотки. Кутельский вел гидроплан у самой воды.

– Хорошая машинка!

Он принял вправо, в открытое море, и взглянул на радар. Прибор показывал, что перед флаером невесть откуда возникло препятствие.

– Что это?

Пилоту никто не успел ответить, потому что едва флаер выскочил из ядовитого тумана, все увидели гигантскую стену воды, несущуюся навстречу.

Чарли выругался, а Лев Саныч потупил взгляд:

– Я же предупреждал. Прилив.

Правую руку пилота вдруг скрутила судорога. Он, удерживая штурвал левой, затряс травмированной ладонью:

– Черт-черт-черт!

Тысячи иголок пробежали от руки к позвоночнику, в глазах у Чарли потемнело, он выпустил штурвал.

– Я сейчас, – его голос слабел, нос гидроплана опасно опустился, – Это от стресса. Сейчас пройдет.

Тут он закрыл глаза и начал сползать с кресла.

– Стоять! – Абуладзе не растерялся, дернул пилота левой рукой за волосы и отвесил правой несколько пощечин.

– Мо! Штурвал!

Эти слова Кутельский услышал сквозь плотный кокон обморока и встрепенулся.

– Не надо, я в порядке, – Чарли дернул штурвал на себя так, словно собирался его вырвать из панели управления, – Давай-давай-давай!

Моника вскрикнула и закрыла глаза руками, а мужчины, не отрываясь, смотрели на растущую перед флаером волну. Неба над волной не было – лишь светло-серая громада второй Салактионы. Пилоту показалось, что ситуация под контролем.

– Ну же, братишка, не подведи! – обратился он к флаеру.

Гидроплан приподнялся над гребнем, но зацепился за него днищем, подняв тучу брызг. На лобовое стекло не попало ни капли, но вода обдала оба двигателя.

Кутельский не шевелился, все также цепко держал штурвал. Гидроплан продолжал набирать высоту. По миллиметру, не допуская крена, пилот положил флаер на обратный курс.

– Вода сильно соленая? – тревожась о двигателях, спросил Чарли геолога, но того вдруг прорвало на «хи-хи».

– Перед вами белый карлик Гиза, который служит солнцем для нашей планеты...

Местная звезда ярко сияла между горизонтами загадочных Салактион.

– Эй там, на палубе! – прервал Кутельский экскурсовода, – Крылья... Намокли...

Пилот вывел моторы из форсажного режима, и тут левый двигатель астматично чихнул.

– Опаньки, – тихо сказал Абуладзе, и прильнул к окну. – Кажись, приплыли...

Флаер поднимался уже не так стремительно, и океан, притягиваемый Салактионой-2, уверенно догонял их, собираясь прижать к планете-соседке, напиравшей навстречу из-за горизонта. Обрезало правый двигатель, через секунду отказал и левый. Тонко свистели вращавшиеся вхолостую винты.

– Оба встали за креслами! Симметрично относительно оси флаера. Быстро!

Моника выполнила команду Кутельского первой, Абуладзе пристроился к ней сзади, брюхом прижался к девичьей пояснице, а спиной к стенке грузового отсека.

– Я очень асимметричный, – шепотом пошутил он.

Корпус флаера перестал вибрировать.

Осторожными движениями штурвала Чарли поворачивал флаер к пятнышку платформы, светящейся в безбрежном океане посадочными огнями.

– Брякнемся? – шепнул Лев Саныч в ушко Моники.

Та лишь дернула плечиком.

– Не трепыхаться мне! – рявкнул Кутельский. – Планируем!

Спиной он ощущал руки Абуладзе и Моники на спинке своего кресла и слегка подался вперед.

– Постараемся расслабиться! – геолог зажмурился. – И получить удовольствие!

– Лев Саныч! – гневно вскрикнула девушка.

– Прошу прощения – природа... Но клянусь, сейчас вам ничего не угрожает.

Чарли заставил себя не реагировать на разговор за спиной и собрал волю в кулак. Ничто больше не напоминало о вспыльчивости и возбудимости. Теперь пилот стал частью машины. Каждой клеткой своего тела слился с флаером.

– Давай, родненький, – прошептал он гидроплану и громко, чтобы заглушить свист в крыльях, обратился к геологу, – Можно сбросить дроны? Тогда... Больше шансов...

– Нет! – отрезал Абуладзе.

– В таком случае на полшага правее.

Кутельский выровнял флаер, во всех окошках стала видна приближающаяся черная вода, а вот из-за задранного носа никто не видел станции, потому казалось, что падение неизбежно. Моника взвизгнула. Чарли крепче стиснул штурвал. Слева мелькнул край спасительной платформы, днище флаера ударилось о воду, подняв тучу брызг.

– Все на правый борт!

Абуладзе упал в угол, Моника шлепнулась на него сверху, флаер накренился вправо. Кутельский распахнул пилотскую дверцу и, бросив штурвал, высунулся наружу.

До того, как левый двигатель коснется платформы, brave пилот ловко ухватился левой рукой за лесенку, а правой удержал за стойку флаер. Тот ударился носом о платформу, вздрогнул всем корпусом и остановился.

– Выбираемся! По мне!

Моника первой прыгнула на лестницу.

Кутельский крикнул под весом геолога, потому что Абуладзе рекомендацию пилота понял буквально и прыгать не стал. Казалось, что Лев Саныч боится намочить ноги.

К тому времени, как флаер пришвартовали, наступила ночь. Абуладзе вернулся на борт и, ругаясь в темноте, выгружал свои ненаглядные сейсмодроны. Обессиленный Чарли Кутельский сидел, свесив ноги с платформы, и контролировал швартовочный конец. Натруженные штурвалом руки отдыхали у него на коленях. Иногда он растирал немеющие пальцы.

Переодевшаяся в майку-балахон Моника с прищепкой в зубах вышла на платформу, отыскала на перилах среди сохнувшего мужского белья свободное место для своих единственных трусиков. Оглянулась на Чарли, села рядом, бедро к бедру, отчего пилот сразу засиял улыбкой. От возлюбленной пахло свежестью с легким цветочным оттенком.

– Напугал вас?

Она не ответила.

– У меня иногда такое бывает, судорога и отключка. Врачи говорят: со временем пройдет. Девушка взяла его руку в обе свои и благодарно поцеловала в ладонь.

– Ты спас нас сегодня!

– Ты спас нас сегодня! – эхом ответил Абуладзе, появляясь на платформе.

– Рад стараться! Глаза боятся – руки делают! – скромно отозвался счастливый Кутельский.

Затем шепнул Моники:

– Пстой!

Он с многозначительным видом сунул руку в карман, дождался, пока геолог скроется в домике, вытащил что-то.

– Смотри!

Чарли разжал кулак. На ладони лежало небольшое плетеное из проволоки колечко.

Моника покраснела, отпрянула, стала как будто выше. Глаза у девушки загорелись, она всплеснула руками:

– Какая прелесть! Это мне?

– Да! Примерь!

Она мгновенно натянула кольцо на безымянный палец и завертела рукой, любясь подарком под разными углами. Кутельский обеими руками за плечи притянул девушку к себе и выдохнул ей в ушко счастливое:

– Моя!

* * *

– И как успехи? – Моника снова в фартуке как бы случайно тронула клавиатуру, но вместо схемы планеты на экране возникла фотография обнаженной красотки в натуральную величину. – Ого!

Пока покрасневший Абуладзе пролетел несколько шагов с кухни, Моника успела пролистать еще несколько изображений, все откровенней и откровенней.

– Это мне... Для вдохновения, – Лев Саныч отобрал у девушки клавиатуру, вернул на экран изображение планеты, – И потом... Я – человек одинокий, чего мне оправдываться?

Кутельский хотел было спросить, почему изображения, а не видео? Но не успел. Моника снова ткнула в клавиатуру в руках геолога и вывела крупным планом на экран формулу Скруджа-Григорьевой.

– Вы выбрали новую пару для пси и газовой погрешности?

Лев Саныч Абуладзе промокнул плешь на голове носовым платком:

– Не подбор, это – функция! Остальные две константы я трогать не стал, они справедливы и для этого типа планет. Вот смотрите!

Он нажал комбинацию клавиш на клавиатуре, и на экране возникла пара планет. Первую Салактиону, в отличие от второй, можно было узнать по мелкой сетке геологических маркеров. Внутри планеты переливалась голубая масса – ради наглядности Лев Саныч добавил третий цвет.

– Да ладно, ваш гибсоний вот так прямо и клубится? – Моника обернулась к Чарли, ища поддержки.

Уставший после полета пилот не слушал товарищей и тупо смотрел в стакан:

– Почему у вас пиво в бутылке из-под красного?

– Конечно, вы правы, Моника, – Лев Саныч кокетливо опустил глаза, – Но обязательно некая масса участвует в круговороте Салактион, и мне очень хочется считать, что это именно гибсоний.

Моника выжидающе молчала.

– Ну, конечно, работа еще не окончена, все же я не астрофизик, а геолог, – с каждым словом Лев Саныч смущался все больше.

– Функция профессора Абуладзе для двойных планет согласно теореме Скруджа-Григорьевой! – торжественным голосом объявила Моника.

– Профессора Абуладзе? – Чарли приподнял брови.

– Вы знаете? – Лев Саныч иронии в голосе пилота не заметил, на мгновение смутился, и твердо ответил: – Да! Когда-то я был профессором.

Геолог выпрямился, прошелся по лаборатории, как по сцене, галантно обошел мусорную корзину с рыбьими костями, и расправил несуществующую бабочку на застиранной армейской майке-велосипедке.

Кутельский прыснул в стакан, но ни девушка, ни ученый не шутили.

– А если серьезно, – Лев Саныч остановился перед севшей в его кресло Моникой, – включение в модель Гизы означает, что на Салактионе должна быть зима!

Профессор указал пальцем в пол:

– Зима вот здесь, на этой самой станции. А зимы нет!

Моника вскочила с кресла, ничуть не смущаясь присутствия Кутельского, обняла профессора за талию и чмокнула в небритую щеку.

– Вы – гений, Лев Саныч! Самые выдающиеся открытия всегда происходят на стыке наук! В вашем случае на стыке астрофизики и геологии!

Девушка отстранилась от лица профессора, но продолжала обнимать его за то, что когда-то было талией.

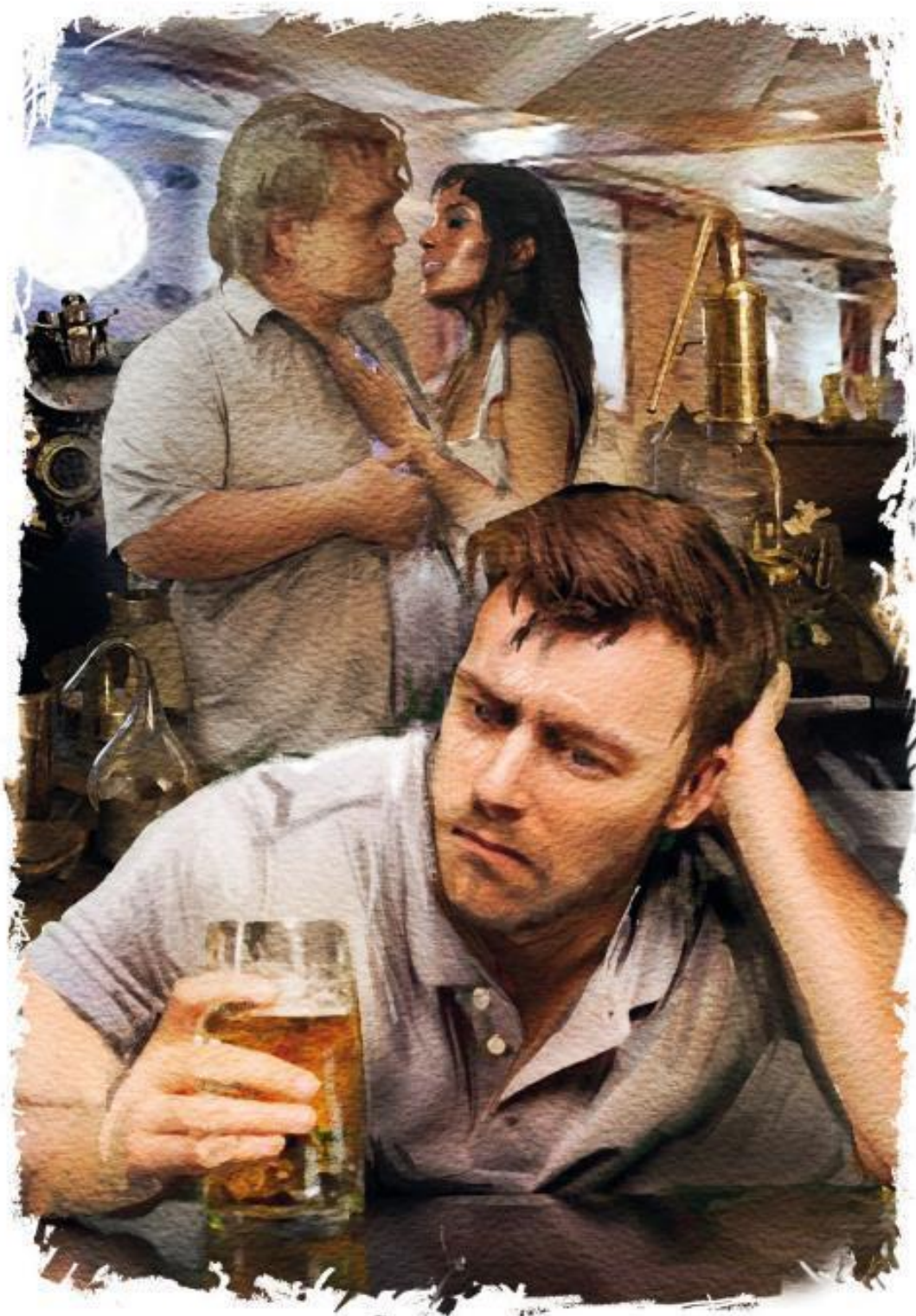
– Главное – не останавливайтесь! Только вперед!

Кутельский тихо плюнул в пустой стакан – на него не обратили внимания.

– Мы и не будем останавливаться! Коллега!

Абуладзе взял девушку за руку и, задумавшись, подвел ее к креслу, словно кавалер даму после танца.

– Мы! – подчеркнула Моника и звонко засмеялась.

От ревности Чарли едва не задохнулся. Рывком вскочил со стула. В глазах сразу потемнело.

«Брякнуться в обморок прямо сейчас?!»

Во рту пересохло. Стиснув зубы, Кутельский нащупал кухонный стол и мелкими шажками двинулся в сторону кулера. Ни Моника, ни Лев Саныч не заметили его состояния – уче-

ные вернулись к экрану и возбужденно поочередно тыкали в него пальцами. Их слов пилот уже не слышал – в ушах барабанил пульс.

«Да что с тобой, герой-любовник?»

Не дойдя до кулера с питьевой водой, Кутельский увидел трехлитровую пластиковую бутылку с пивом, наполнил стакан, пригубил и... увидел на столе свой подарок – Моника сняла колечко, когда мыла руки, и забыла. Чарли посмотрел на кольцо сквозь пиво в стакане. Оно показалось ему чудесным, а легкомысленная Моника просто недостойной такого подарка.

«И меня тоже! – Кутельский залпом допил пиво. – Закатить ей сцену? Сейчас? Мальчишество! Они же просто разговаривают. Только все испорчу. Упиваться жалостью к себе?»

Он снова посмотрел на девушку, ее требующий поцелуя незащитный затылок, линию плеч, талию.

«Ну, уж нет, я так просто этому хмырю Моника не отдам!» – твердо решив бороться за свою любовь, Чарли бесшумно прошел в спальню.

* * *

В крошечном грязном иллюминаторе розовела салактионская темнота. Чарли Кутельский взглянул на часы, он проспал, как и планировал, шесть часов. Вспомнил предыдущий рассвет и потянулся за саксофоном, кончик которого свешивался с полки над головой.

Стараясь не шуметь, пробрался в темноте мимо выключенного экрана.

Чарли занял прежнее место на платформе и постарался не думать о следующем полете. Сейчас ему не хотелось играть с отступающим розовым туманом, вместо этого он прослушал записи, чтобы безжалостно искромсать симфонию в поисках уникальных гармоник саксофона.

Над горизонтом со стороны, противоположной той, куда ушла «вторая», вставала Гиза. Черные скалы, обрамлявшие озеро, стали видны целиком. Но озеро и пляж все еще скрывались под тонким покрывалом тумана. Солнечные лучи коснулись скал и окрасили их в фиолетовый цвет. Кутельский перестал слушать записи.

Гиза приподнялась чуть выше, скалы стали синими, на них заиграли зеленые тени. Чарли зажмурился.

«Мираж?»

Нет – теперь скалы были ярко-зелеными.

«Вот это номер!»

Он коснулся клапанов сакса.

Камни пожелтели. Чарли начал импровизацию.

Камни налились оранжевым оттенком.

Кутельский включил запись. Закрывать глаза не хотелось.

Волшебные рассветы Салактионы – вот что имел в виду путеводитель! Значит, сейчас я увижу все девять цветов салактионской радуги?

На минуту скалы стали кроваво-красными, чтобы тут же порозоветь, размягчиться и стать одного оттенка с туманом над озером. Это было мгновение, когда и небо, и скалы, и туман были одного цвета – розового.

Кутельский сморгнул увиденное им чудо. Скалы побелели, туман растворился, небо стало голубым.

Чарли заиграл и... Вот оно!

Скалы Салактионы стали прозрачными. Кристально прозрачными. В течение дня они мутнели, мозолили глаз обыденностью, напоминали старое стекло. Но вот сейчас на рассвете они казались древними скульптурами. Чудеса, да и только!

Кутельский прослушал запись.

«О, черт! Я написал хорошую вещь! Короткую, как и намекала Моника. Им бы пора вставать!»

Чарли по карнизу, опоясывающему домик геостанции, добрался до окна спальни девушки, прижался спиной к стене и включил звук на саксофоне.

Прекрасной мелодией он приветствовал рассвет на Салактионе и свою возлюбленную.

За окном не раздалось ни звука. Никакой реакции. Раздосадованный Кутельский снова обошел домик, заглянул в дверь.

Посреди лаборатории на узкой кушетке, обнявшись, безмятежно спали Абуладзе и Моника...

Глава третья

Драка

Измена! Самая банальная и от этого очень болезненная. Чарли Кутельский бежал через рощу «кипарисов», чувствуя, как в сердце вонзаются одна за другой тупые иглы ревности.

«Что же ты натворила, Моника? Чего тебе не хватало?!»

– Это не то! Не то, что ты подумал! Постой! Ну, остановись, пожалуйста! – Моника догнала Чарли.

Деревья росли хаотично, но редко. Ни травы, ни кустов между шипастых серых стволов, лишь не успевший высохнуть грунт хлюпал под ногами. Колибри-листья испуганно затрепетали. Чарли остановился, повернулся к девушке и положил перед ней саксофон, как складывают оружие при сдаче.

– Просто я замерзла! А у тебя было заперто! – несмотря на бег, она ничуть не запыхалась.

– Просто?! – первым желанием пилота было прыгнуть на саксофон и растоптать его.

– У нас ничего не было!

Майка с широким вырезом сползла с плеча девушки, запоздалый блик рассвета отразился на кофейной коже розовым.

– Врешь!

Среди деревьев с видом сытого кота возник Лев Саныч Абуладзе. Профессор был в одних шортах и двигался неспешно.

– Почти ничего! Кажется...

Моника с вызовом дернула обнаженным плечом в сторону Льва Саныча.

– Почти?! – Кутельский перепрыгнул через саксофон и шагнул к профессору. – Кажется?!

Абуладзе прикрыл ладошками волосатые соски, словно смущенная девушка, застигнутая без лифчика:

– Ты чего?

Кутельский ускорился и чуть не задохнулся от ярости:

– Ты!.. Она... Моя! Мы с ней! А ты!

– Ну-ну, полегче! – Лев Саныч, наконец, распознал угрозу и отступил на шаг.

– Я ей симфонию посвятил! – Кутельский почти настиг Абуладзе, но тот с неожиданной для его комплекции прытью прыгнул за дерево.

– Мы слышали... Симпатичная... Так это была симфония?

– Мы?!

– Эй!

– Ты – старый козел! Тебе все равно с кем! Я же вижу! – пилот гонялся за профессором вокруг дерева. – Любую юбку готов задрать! Слюнями своими забрызгать!

Лев Саныч следил за дыханием и позволял разгневанному оппоненту выговориться:

– А Мо твоя мелодия понравилась!

– Мо?! К черту вас! – Чарли прибавил скорости и споткнулся о прозрачное существо, испуганно скрывшееся в корнях.

– Прекратите! – строго велела подошедшая Моника.

– Я думал... Я надеялся... Мы... – Кутельский всхлипнул и перемазанный поднялся с земли. – Такое чувство испоганили! Сатир!

Он снова бросился за Абуладзе, вместе они сделали еще два круга.

– Немедленно прекратите!

На девушку никто не обращал внимания. Кутельский остановился, подпрыгнул, и повиснув на нижней ветке, принялся с рычанием отламывать ее. Шипы, плесенью покрывавшие ветку, оказались жесткими, измазанными в птичьей помете.

– Сатир? – Лев Саныч обиделся, – Тогда ты – салага! Жалкий сопляк! Ахи-вздохи-обнимашки! Что ты знаешь о женщинах? Думаешь, ей песенки твои нужны?

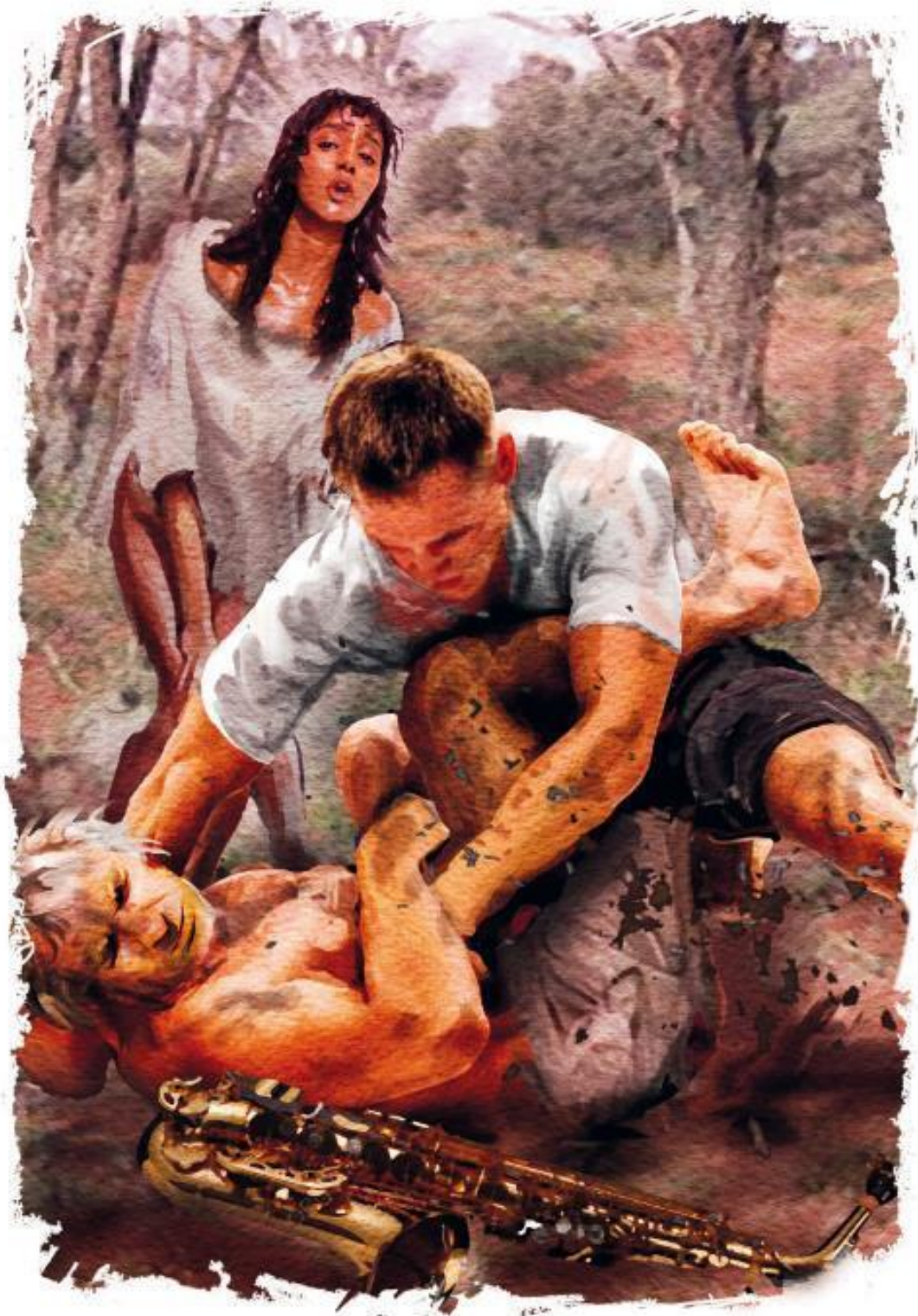
На Чарли обрушилась стая колибри, вставших на защиту своего дерева.

– Кобель! Формулы?! – рычал пилот, отмахиваясь от птиц обеими руками, ветку ему отломать не удалось. – Уравнения?!

– Ну, перестаньте! Пожалуйста!

Моника заплакала. Мужчин это не тронуло.

Пилот настиг профессора и ткнул его кулаком в шею. Абуладзе обернулся и неожиданно шагнул навстречу Чарли, схватил субтильного пилота в охапку, сильно прижал к себе, не позволяя двигать руками.

– Старый козел говоришь? – прямо в ухо Кутельскому зашипел профессор. – Да меня на вас обоих хватит!

Чарли попытался укусить противника, не удалось, тогда он плюнул в лицо Льву Саньчу. Тот попытался утереться плечом, ослабил хватку, но Кутельский вырваться не стал, а дернулся всем телом. Абуладзе на ногах не устоял. Противники упали и покатались по земле.

– Она – ангел, моя муза! – слезливо сипел Чарли.

Он был сильнее, но Абуладзе тяжелее и быстро оказался сверху.

– И чего? Ну, ты трахнешь ее, а что потом? Ангелы не какают, музу не трахают...

Кутельский в ответ дернулся, но освободиться из захвата не смог. Лев Саныч прошептал ему в ухо:

– Как сказал классик, девки существуют для того, чтобы их... Тискать...

Чарли забился под ним, а Абуладзе беспощадно продолжил:

– И... Им это нравится... Ничего я такого не делал, чтоб она не...

Кутельский сумел высвободить правую руку и коротко ударил профессора в ухо. Вырвался, оказался сверху и заработал кулаками. Абуладзе пинком в пах перебросил соперника через голову.

Схватка утомила обоих, и противники поднялись не сразу, а с коленок, упираясь в землю руками. Чарли утер разбитый нос тыльной стороной ладони, размазал грязь по лицу и принял боевую стойку.

– Чарли, допустим, вы меня сейчас победите. И что? – Лев Саныч распахнул объятия, демонстрируя грязный живот. – Я просто упаду на вас своими ста килограммами, и как вы из-под меня выберетесь?

Кутельский, молча, с кошачьей грацией, сделал шаг вперед.

– А мне падать нельзя, – как-то совсем уж по-стариковски заключил Абуладзе и прижал правую ладонь чуть ниже груди.

Чарли выпрямился, его боевой пыл куда-то испарился.

– Сердце – слева! – заметил он.

– Это – не сердце. Ребро! – Лев Саныч завел руки за спину. – Вот, можете потрогать.

– У вас сломано ребро? – не поверил пилот.

– Не сломано, оно просто отвалилось. От грудины. Трогайте не бойтесь, это не больно – здесь нет нервных окончаний.

Пилот осторожно нащупал на животе профессора твердый отросток:

– И чего?

– А ничего! В моем возрасте хрящевые ткани не восстанавливаются. Вот и болтается.

– Но можно же что-то сделать?

– Скобу поставить. В стационаре. А у меня денег нет. И потом контракт надо добить. Все потом! Так что вы поосторожнее деритесь.

– Ладно, профессор.

Кутельский поморщился. Коленки саднили. Он наклонился, оперся о них руками.

– Девушку мы, похоже, обидели. Где она кстати? – заметил профессор и закричал: – Моника-а-а!

Они доковыляли до места начала схватки. Майка Моника болталась на ветке. Лев Саныч своим коронным жестом потер переносицу.

– Интересно. Она полностью разделась, чтобы привлечь наше внимание, а мы...

– Ее не заметили, – с грустью в голосе закончил фразу Кутельский.

Они обыскали станцию, флаер, осмотрели пустой шлюз... Моника не было ни на пляже, ни в роще, ни в ангаре.

Грязь сделал обе нелепых, полностью противоположных друг другу фигуры, похожими. Кожа грузного Абуладзе потемнела. И загорелая кожа Чарли, худого, в изорванной форменной рубашке и шортах без пуговиц на ширинке так, что их приходилось придерживать руками, весь в ссадинах, посветлела.

Наконец, оба остановились на платформе. Помолчали, глядя через перила.

– Разрешите облететь скалы? – нерешительно попросил пилот.

Он стянул с перил трусики Моника, скомкал их и утер предательски стекавшие по грязным щекам слезы.

– Не сейчас, – профессор ткнул пальцем в небо, – Этого в путеводителе нет.

На мгновение Кутельскому показалось, что он смотрит не вверх, а вниз, не в небо, а в его отражение в воде. Невидимая капля ударила в небосклон, покрыв его рябью, небесные волны мгновенно свернулись катышками одинаковых серых облаков. В лучах Гизы барашки облаков отбрасывали розовые тени. Немедленно заморосил мелкий теплый дождь. Реагируя на датчики, стеклянные панели на крыше ангара щелкнули и повернулись боком, пропуская к посевам Льва Саньча живительную влагу.

– Она не могла уйти далеко, – Абуладзе за плечо повернул к себе Чарли, – Собираемся, маэстро, и очень быстро. Маски, веревки, аптечка. Моника где-то внизу. Нам нужно успеть догнать ее.

– Есть!

Они уже подбегали к дому, когда внутри здания тренькнул сигнал входящего сообщения.

– Что за чертовщина? – нахмурился Абуладзе.

Неизвестный четырехбуквенный код мерцал на мониторе космической связи.

– Это что? Сигнал бедствия? – Профессор беспомощно тыкал кнопки на блоке управления, но сообщение не открывалось.

– Нет! В сигнале бедствия используются другие буквы. Дайте я! – Чарли надоела растерянность Абуладзе, и он отодвинул профессора плечом. – Мы так его не расшифруем. Надо перебросить на компьютер.

Пилот нажал клавишу выгрузки сообщений:

– Там приличный видеофайл приложен... Зашифрован. Эх, не вовремя!

За окном сверкнула молния. Что-то щелкнуло. Все освещение и экран на стене отключились. С тихим завыванием вырубилась станция связи.

– Не вовремя! – повторил Абуладзе.

– А бесперебойники?

– Почему-то ни один не сработал.

– Часто тут так, профессор?

– Грозы через день. Но чтоб молния свет вырубил – не припомню. Все потом! А сейчас – за Моникой!

* * *

Цвета. Разными они бывают. Разные ощущения вызывают в зависимости от ситуации. Красный, например, может и не быть тревожным, а зеленый не всегда успокаивает.

«Настоящий цвет Салактионы – зеленый!» – К такому выводу пришел Кутельский, шагая за Абуладзе.

Подолы его скользили на лишенной травы размокшей почве. Дождь то усиливался, то стихал.

«Или это стекло маски так меняло цветоощущение?»

Пилот пальцем почесал вспотевший затылок под плотной резиной и на всякий случай глубоко выдохнул сквозь фильтры, опасаясь случайного попадания зигрита в легкие. Посмотрел в спину профессору, тот шагал уверенно и рюкзак со снаряжением нес легко. Очевидно, Абуладзе хорошо изучил окрестности.

По тропе, петляющей среди скал, профессор и пилот спустились из рощи «кипарисов» на плато, опоясывавшее кратер по периметру. Здесь дождь проредил зеленый туман, но Лев Саньч достал тепловизор и передал рюкзак Чарли. Однако прибор, способный обнаружить любой живой организм в гуще листвы и в тумане, не понадобился.

Обнаженная Моника стояла на четвереньках в центре поляны на широком плоском валуне. Поляну окружали заросшие колючками скалы, и гладкий камень чересчур правильной

формой в другой обстановке насторожил бы Чарли. Но ни он, ни профессор не обратили на это внимания. Лев Саныч уронил на землю жалобно пискнувший тепловизор, дотронулся до мокрого плеча девушки.

– Холодная...

Кутельский придвинулся к лицу Моники. Ее глаза были открыты, но стекло шлема пилота осталось чистым – дыхания не было.

– Понесешь?

Чарли, вместо ответа, сбросил с плеч лямки рюкзака. Тело Моники окоченело настолько, что не изменило положения даже, когда пилот взвалил ее на плечо.

Несмотря на неполную гравитацию двадцатиметровый подъем оказался непростой задачей. Абуладзе суетился вокруг Кутельского, подталкивал, забегал вперед, приподнимал, перехватывал негнущееся тело Моники, возвращал его назад на плечо пилота. В роще «кипарисов» они сняли маски, отдышались. Добрались до лестницы на платформу, неожиданно Лев Саныч ойкнул и замер на нижней ступеньке, как вкопанный.

Кутельский в одиночку занес Монику наверх и спустил с плеча. Обнаженное тело так и осталось на четвереньках, как стояло на лесной поляне.

– Что там с вами? – Чарли вытер ладонями пот и свесился с платформы.

Профессор очнулся, поднялся к нему. С тревогой осмотрел Монику и скомандовал:

– В дом!

Вдвоем они подхватили тело девушки, внесли в лабораторию и поставили посреди комнаты, как поставили бы стол. Лев Саныч включил электричество, станция наполнилась привычными звуками. Загудел холодильник, запела вентиляция, с характерными щелчками запустила самодиагностику станция связи.

Профессор опустил на четвереньки перед лицом девушки.

– Моника! Ты слышишь меня?

«Свихнулся он, что ли?»

Кутельский разделся до трусов. Лаборатория наполнилась запахом потных мужских тел. Абуладзе поднялся на ноги.

– Ваш диагноз, доктор?

– Издеваетесь, профессор? – Чарли едва не плакал. – Она час как мертва.

– И ничего вас не смущает?

– Ну... Трупное окоченение. В моей практике... – Кутельский вспомнил свой единственный боевой вылет и запнулся, – ...тела так коченели только на морозе. Я служил на планете Эгаро, когда полярные спортсмены напали на термостанцию и прилично погрызли персонал. А здесь тепло. Не может так быть. А вас что смущает?

– Глаза! Она не моргает, но правое глазное яблоко подвижно. Моника провожает нас взглядом.

– Не может быть!

Лев Саныч жестом указал Чарли место на полу. Тот убедился, что профессор говорил правду.

– Моника, любимая! – запричитал Кутельский. – Ты слышишь меня? Моргни!

Моника не отвечала и не моргала. Но ее холодный взор действительно следовал то за пилотом, то за профессором.

– Предлагаю выдохнуть, помыться, – Абуладзе шумно почесал подмышку, – Ну и пожрать.

Комплекс космической связи приглушенно пискнул, сигнализируя об очередном сообщении.

* * *

«Что-то было не так. И с Моникой, и со всей этой треклятой Салактионой. Планета отняла девушку и вернула ее совсем другой. Какой?» Чарли не знал, но интуиция ему подсказывала: даже если случится чудо, и его любимая оживет, ничего не будет, как раньше. Все изменится.

Посвежевший, но по-прежнему озадаченный, Лев Саныч Абуладзе вышел из душевой, налил себе бокал пива, сделал глоток. Указал пилоту на ближайший пластиковый стул, только потом подошел к комплексу связи и нажал кнопку входящего сообщения.

– Здравствуй, папа!

Абуладзе поперхнулся и смущенно взглянул на пилота.

– Хотя ты справедливо ожидаешь разноса от «Гео Галы» за срыв программы исследований, спешу тебя успокоить. Боссы учли обстоятельства того, что случилось на Салактионе, потому оргвыводов не будет. Пока. Я не знаю, когда они найдут тебе нового пилота, потому...

Собеседник загадочно умолк, Чарли и Лев Саныч переглянулись.

– Надеюсь, ты успел оценить мой сюрприз. Моника – не просто секс-андроид! Это – новое поколение с физиологией, почти идентичной человеческой! Ее искусственный интеллект... Короче, инструкция в следующем файле, сам считаешь, мне было некогда. Надеюсь, она не просто скрасит тебе долгие недели одиночества, а станет настоящей напарницей. Вдохновит тебя на научные подвиги!.. Потому что о твоих эротических похождениях на Хэнкессе ходят легенды.

Невидимый собеседник сделал паузу, чтобы Лев Саныч успел покраснеть.

– От себя добавлю, что у Моника процессор помощнее той рухляди, которой «Гала Гео» снабдила тебя для изучения Салактионы. Короче, читай инструкцию, там есть все... в том числе, как настроить робота на себя... С днем рождения, папа!

– Вот, засранец, не забыл...

Абуладзе залпом допил бокал, наклонился над клавиатурой и отправил инструкцию на принтер. Несколько листов вывалились из сложенного лотка для бумаги на пол.

Профессор поднял их, сложил в пачку и взглянул на пилота. Чарли Кутельский замер в прострации, с открытым ртом.

– Mamочки! Я влюбился в секс-куклу...

* * *

Чарли выбежал на платформу и сделал несколько кругов, то и дело натываясь на перила. Дождь кончился. Когда пилот взял себя в руки и вернулся в дом, Абуладзе изучал инструкцию.

– Моника, секс-робот 16 класса, модель «Муза». Чарли, а знаете, что означает ее фамилия? Витовв?

– В нее попала молния?! – пилот ответил вопросом на вопрос.

Абуладзе пожал плечами и продолжил гнуть свою линию:

– Визуальность, интеллект, тактильность, прошу прощения, оральность...

Кутельский вспомнил губы Моника:

– А «ВВ»?

– Вызов и вознаграждение.

– Тьфу, получишь вознаграждение, если ответишь на вызов, – переиначил пилот, – Мы найдем способ ее реанимировать?

– Мне нравится, что вы не сдаетесь, маэстро! Конечно, найдем. А пока, помогите.

Они перенесли Монику в ее спальню, поставили на кровать. Абуладзе заметил открытую крышку розетки.

– Обратите внимание, постель не расправлена.

Пока Лев Саныч ходил за инструкцией, Кутельский с выражением обреченности на лице рассматривал обнаженное тело робота. Никаких признаков растительности на теле, кроме головы.

– И в туалете я с ней ни разу не сталкивался. А вы?

– С вами да, с ней нет. Здесь интересно написано, – Абуладзе поднес лист к самым глазам, потому что включить свет ярче не догадался, – Потребляет все виды органической пищи, что и человек.

– А электричество? – Чарли указал на открытую розетку.

– Про электроэнергию написано так. «Дозарядка аккумулятора робота до ста процентов возможна при помощи сети электропитания только после использования остальных ресурсов обеспечения и обязательного воздействия на рецепторы робота согласно его профилю». – Абуладзе едва хватило дыхания прочесть предложение вслух, – Вы что-нибудь понимаете?

– Пока нет.

Лев Саныч еще раз сверился с инструкцией, запустил руку в волосы Моники и надавил на затылок. Со щелчком открылась крышка, но вместо мозгов Кутельский увидел две гладкие панели: одна – для индикации, вторая – для сенсорного управления. Абуладзе тут же ткнул в нее пальцем. В углу темного экрана вспыхнула красная циферка – 1 %.

– Ни виртуальной клавиатуры, ни диалогового окна, – сокрушенно констатировал профессор.

Он потерев пальцами край пульта управления, оттуда вывалился тонкий провод с универсальной вилкой на конце. Абуладзе обрадовался и немедленно воткнул вилку в розетку. Ничего не произошло.

– Ни черта не понимаю.

Кутельского передернуло от вида любимой девушки с распахнутым пультом управления на затылке. Он ушел на кухню и занял кресло Льва Саныча. Взял бутылку, поболтал ею, избавляясь от осадка, крикнул:

– Профессор, почему у вас нет виски?

Лев Саныч не ответил, вернулся в лабораторию и молча продолжил читать инструкцию.

– Чего вам непонятно? – не мог угомониться Чарли. – Сказок своему сыну не читали что ли? Питание от сети начнется потом, а пока мы должны ее «обогреть, накормить, напоить, спать положить...». Девушке-роботу требуется забота. Как человеку.

– Бред какой-то. Попной я ее накрыл. Что теперь? Супом ее накормить?

Чарли от сравнения Моники с лошастью снова передернуло.

Профессор не заметил и продолжил рассуждать:

– Зачем роботу 16 уровня такие сложности? Должно быть простое решение. Может, еще какую-нибудь сказку вспомните?

Не дождавшись ответа, Лев Саныч ушел в спальню, а Чарли снова наполнил бокал.

– Получается, она вдохновила меня на шедевр, потому что у нее такая программа? Муза?

Он не стал допивать пиво, прошелся по комнате, отыскал саксофон, осмотрел его на предмет повреждений. Швыряние на землю не могло не сказаться на инструменте. Потому Кутельский включил режим диагностики, а затем программу настройки.

Из спальни раздался стон. Женский. Чарли влетел туда пулей. Девушка лежала на спине, повернув голову набок, ее руки были выпрямлены вдоль тела, но колени оставались согнутыми. Профессор потирал руки и заглядывал в открытый блок управления.

– Заряд пошел! И все-таки я – красавец!

– Что вы с ней сделали?

– А вот не скажу! – хихикнул Лев Саныч. – Вспомнил еще одну сказку!
Комплекс входящей связи хрюкнул, и усталый женский голос произнес:
– Мэй дэй...Мэй дэй...

Глава четвертая Кораблекрушение

– Мэй-дэй, – произнесла Элизабет всепланетный сигнал бедствия и удивилась спокойствию своего голоса, – Мэй-дэй.

Прошла минута, прежде чем радиостанция проскрипела:

– Але... Геостанция Салактионы-1 слушает вас. Прием!

– Правда? – Элизабет обрадовалась, но тут же всхлипнула. – Здесь все мертвы.

– Кто вы и что происходит?

– Меня зовут Элизабет Роверто. Мы возвращались с Салактионы-2 на орбиту. Я была в туалете, когда с кораблем что-то случилось. Я долго не могла открыть дверь. А когда открыла, все мертвы. Кабина пилотов... Очень холодно. Их тела обледенели.

Из динамиков раздался другой голос, принадлежавший человеку моложе:

– Говорит Чарли Кутельский – пилот геостанции. Раз мы вас слышим, значит посадочный шаттл вошел в атмосферу Салактионы. Что вы видите?

– Небо темнеет. Мы падаем?

– Что показывают приборы?

– Ничего. Моргает какая-то лампочка. – ответила Элизабет.

– Займите место пилота.

– Но тело?

– Уберите его!

Едва не ломая ногти, Роверто отстегнула ремень пилота, за воротник кителя потянула на себя, уронила тело в проход между сидениями. Оттолкнула чуть дальше, чтобы мертвый толстяк не касался никаких рычагов.

– Элизабет, раз вы до сих пор живы, не все потеряно, – сказал молодой.

– Приборы отключены, а связь она включила, – удивился первый более взрослый голос.

«Это – геолог», – догадалась Роверто и огрызнулась:

– Я умею читать!

Она села в кресло:

– Я села. Что теперь?

– У вас над головой по правую руку тумблеры включения двигателей. Они должны быть в положении «на себя», – сказал Чарли.

Элизабет посмотрела вверх:

– Они и так в положении «на себя»

– Выключите и включите.

Она подчинилась:

– Ничего не происходит.

– Так. Тогда вернитесь в коридор между кабиной и салоном. Напротив туалета по левую руку закрытая панель. Откройте ее, там рубильник, он должен быть в положении «вверх». И на всякий случай, там же будет табло с множеством кнопок. Пробежите пальцами по ним всем. Выключите и снова включите. Поспешите, Элизабет!

Стараясь не наступать на лежащее ничком тело пилота, Роверто прошла в коридор, открыла панель, выполнила приказ с Салактионы. Вернулась в кресло.

– Все туристы мертвы? – услышала она шепот геолога, но не ответила.

Включила двигатели. Они, наконец, загудели.

– Все в порядке. Двигатели включились, – доложила Роверто и осмотрела панель перед собой, – Но приборы работают не все.

– Не важно. Панель между креслами пилотов включилась?

- Да.
- Ткните в нее пальцем и выберите автопилот.
- Выбрала. Ничего не произошло.
- Справа колонка «мемори». Выберите «позавчера», когда вы прилетали на первую Салактиону.
- Выбрала, – подчинилась Элизабет.
- Что «горизонт»?
- Я не вижу горизонта. Темно. Мне холодно!
- Горизонт – это прибор. Сразу перед штурвалом слева. Колеблющийся крестик на фоне нарисованного крестика. Видите?
- Там три крестика. – заметила Элизабет.
- Отлично. Желтый – это автопилот. Подвижный крестик должен совместиться с желтым. Значит, шаттл вышел на посадочную траекторию. А фиксированный крестик – это обычный горизонт планеты.
- Роверто молча изучала панель. Гудение двигателей стало прерываться.
- Ну? – не выдержал Кутельский.
- Пишет «недостаточно мощности двигателя». – прочла Роверто.
- Найдите на панели изображение трех цилиндров, два больших, один маленький. Какого они цвета?
- Желтый крестик пропал!
- Ответьте на мой вопрос, Элизабет! – рявкнул Чарли.
- Левый полный – зеленый, остальные красные.
- Включите среднюю кнопку под ними.
- Зеленое переливается из левого цилиндра в правые. Все желтеют.
- Вы включили перераспределение мощности. Снова включите автопилот.
- Роверто подчинилась.
- Не хватает мощности, – прочла она, – Уровни желтого выровнялись и розовеют.
- Придется работать, Элизабет. У автопилота есть «люфт». Когда белый подвижный крестик «фактический полет» отклоняется от желтого заданного больше чем на 10 градусов в любом направлении, автопилот отключается, и желтый крестик исчезает. Возьмите штурвал и не позволяйте крестикам сильно расходиться!
- Снова включить автопилот? – спросила она.
- Да!
- Элизабет вцепилась в штурвал изо всех сил.
- Получается? – спросил Кутельский.
- Да. Но тяжело.
- Терпите. Сколько людей погибло?
- Трое. Пилоты и Маргарет. Она не успела вернуться на место. Я видела ее тело, – Роверто всхлипнула.
- Геолог спросил:
- А остальные туристы?
- Они остались на Салактионе-2. Студенты летели на практику на шахту, старушка везла внука родителям.
- Включился Кутельский:
- Держите себя в руках, Элизабет. И еще, на полу под сидением справа спереди красная кнопка. Нажмите ее.
- Она нажала.
- Думаю, что на корабле хватились шаттла, но все-таки, – в сторону от радиостанции сказал Кутельский и громче добавил, – Теперь вы подали настоящий сигнал бедствия, и ваш

«мэй-дэй» услышат все. Странно, что средства спасения пассажиров не сработали. Судя по описанию Роверто, произошла разгерметизация.

– А я? – Элизабет поняла, что пилот и геолог разговаривают между собой.

– Туалет не пострадал, он герметичен сам по себе. Когда шаттл вошел в атмосферу, давление выровнялось, вы смогли открыть дверь и смогли дышать. Вам повезло, что кислорода в туалете хватило. Элизабет, как вы там?

– Мне тяжело и темно.

– Это недолго. Вряд ли посадка займет дольше часа. Хотя, стоп! Элизабет! При нехватке мощности двигателя вряд ли автопилот сумеет посадить шаттл. И скорее всего у вас поврежден корпус. Придется садиться на брюхо. В воду. Самой. – Кутельский умолк.

Элизабет не ответила. Она согрелась и освоилась с управлением. Ей не понравилось, что пилот пугает ее.

– Чем ближе к станции, тем лучше, – уточнил Кутельский.

Роверто вздохнула:

– Что я должна делать?

– Сбавьте скорость на столько, на сколько у вас хватит сил удержать шаттл от сваливания. Справа внизу рычаг. Плавно толкайте его от себя. А нос, наоборот, придерживайте повыше. Получается?

– Так себе, – Роверто нервно хихикнула.

– Лев Саныч, скоро прилив?

Элизабет не услышала ответа геолога.

– Вы говорите «темнеет», это Салактиона-2 накрывает вас. Как накроет совсем, значит, прилив под вами и можно садиться.

Роверто наклонилась и сквозь лобовое стекло оглядела горизонт. Чисто. Выглянула в окошко боковой дверцы. Действительно, черная громада Салактионы-2, на самом деле бело-снежной, нависала над шаттлом. Она снова посмотрела вперед:

– Ой!

– Что случилось?

– Нормально, справилась. Кажется, я вижу огни.

– А волна?

– Автопилот опускает нос!

– Нормально! Теперь, Элизабет, аккуратно сбрасывайте скорость, а нос, наоборот, задержите чуть выше уровня автопилота, можно вровень с горизонтом. Получается?

– Нет.

– Закрылки в положение «два» – потребовал Кутельский.

Элизабет растерялась:

– Закрылки? Где они?

– Над потолочным дисплеем справа.

– Здесь надпись «не курить».

– Черт возьми, Элизабет! – рявкнул Чарли. – Вы же умеете читать. Ищите. Закрылки подписаны.

– Нашла.

– В положение «два».

– Получится? – шепот геолога в эфире.

– Так. Вижу море. Огни станции, – прибордилась Роверто.

– Вы не должны нас видеть, значит, нос опущен. Выравнивайтесь.

Элизабет потянула штурвал на себя:

– Автопилот отключился. И не включается.

– Ожидаемо. Система автоматической посадки не работает. Следите за горизонтом. Крестики должны совпадать, значит, шаттл садится животом вниз.

Металлический голос в кабине возвестил:

– 700 метров!

– Что это? – испугалась Элизабет.

– Речевой информатор, – объяснил Чарли, – Он будет объявлять высоту каждые сто метров.

– 600. 500. 400.

– Снижайте скорость.

– 300...

Роверто испугалась. Море стремительно приближалось.

– Лиза! Пристегнитесь! – услышала она голос геолога, и рывком, не глядя, ткнула ремень в паз. Закричала:

– 200!

– Воду видите?

– Вижу!

– Сбросьте скорость до 100 километров в час.

Она потянула рычаг скорости.

– Закрылки в положение «три»! Ноги на педали!

Элизабет растерялась от череды команд, не успела снова отыскать закрылки, ткнулась носками ботинок в педали, шаттл вздрогнул.

– 100! – объявил речевой информатор и зачастил, – 90, 80, 70,60

– На сорока тормозите педалями! – Кутельский слышал голос информатора, объявлявшего высоту, и спросил, – Скорость?

– 180!

– Много!

«Закрылки! – вспомнила Роверто, – Я забыла про закрылки!»

С оглушительным треском шаттл ударился днищем о воду, зарылся носом.

Штурвал вырвался из рук Элизабет, она рефлекторно прикрыла лицо ладонями. Подголовник впечатался в затылок, и потерявшая сознание Роверто уже не почувствовала, как повисла на ремнях, как врезалась локтями и грудью в штурвал, а коленями в приборную панель.

* * *

Чарли невозмутимо отслеживал происходящее.

Туда, где затихал круговорот заливого приливом озера, в трехстах метрах от ангара, падал шаттл. Роверто удерживала нос параллельно земле до последнего момента, но скорость оказалась высокой для посадки. Шаттл ударился о волну днищем плашмя, подпрыгнул, пошел юзом, заноса корму влево и погружая нос. Со скрежетом коснулся дна. Вода захлестнула сопла двигателей под короткими крыльями, и шаттл окутало паром. Тем не менее, предназначенное для полета на орбиту и обратно суденышко устояло, не опрокинулось, нос снова появился из воды. Поднятая шаттлом волна и брызги скрыли его от глаз наблюдателей.

Дальнейшего Абуладзе и Кутельский не видели. Пилот взлетел по лестнице в ангар, профессор – за ним. Еще через минуту Чарли выводил гидроплан, освещая фарой взбаламученное море. Шаттл ткнулся кормой в скалы в дальнем конце озера и лежал в воде с креном на нос. Пожара не было.

Не взлетая, Кутельский направил гидроплан к шаттлу.

– Профессор, ваш выход!

Когда флаер поравнялся с шаттлом и остановился, Абуладзе перебрался с поплавок на крыло, оттуда перепрыгнул на мокрое крыло шаттла. Профессор поскользнулся, упал, ударился, удержался руками. Аккуратно прошел по крыше шаттла на корму, где виднелось отверстие. Верхняя створка кормового люка отсутствовала, а массивная нижняя створка, служившая трапом для погрузки транспортных средств, выдержала и не открылась при ударе о воду. Гидроплан дрейфовал рядом. Лев Саныч уцепился руками за мокрую кромку крыши и спрыгнул в трюм шаттла.

Поднялся по лесенке из пустого грузового отсека в салон и у нижней ступени лесенки в кабину пилотов обнаружил первый труп. «Мамаша-сфинкс» застряла в дверном проеме ничком, через нее пришлось переступить. Потрогал ледяную корку на шее, но пульса не нашел. «Маргарет Роверто», – решил Лев Саныч и поднялся в кабину.

Переломанное тело погибшего пилота застряло на рычагах между сидениями, и Абуладзе, когда вытаскивал его в проход подхватив за подмышки, проглотил ком горечи. Пухленький блондин, который так забавно фыркал, когда позавчера растирался полотенцем, был весь покрыт темными ссадинами, но кровь не текла. Значит, он погиб задолго до удара. Труп женщины в кресле второго пилота ничком висел на ремнях и грудью упирался в штурвал. Тело еще не оттаяло. Заглядывать ей в лицо Лев Саныч не стал.

Элизабет Роверто, брюнетка, чью попу профессор так трогательно мечтал очистить от песка позавчера, сидела без сознания в кресле первого пилота пристегнутая. Лев Саныч пощупал пульс на шее Элизабет, убедился, что та жива, и отстегнул ремни. На девушке был закрытый черный комбинезон, кроссовки еще хранили следы пепла пустыни второй Салактионы. Ткань на коленях треснула от удара о приборную панель, раны кровоточили. Плечи и бедра, туго перехваченные ремнями безопасности, тоже пострадали, и едва Абуладзе отстегнул их, Элизабет застонала. Черный хвостик на затылке растрепался.

Лев Саныч с Роверто на руках вошел в дом, когда услышал призывный зуммер срочного входящего сообщения. Кутельский вернулся к шаттлу за телами погибших, потому принять на сообщение было некому. Абуладзе чертыхнулся и перенес Элизабет на кушетку медицинского сканера. Осмотрел девушку – раны больше не кровоточили, дышала она прерывисто. Ткнул кнопку включения сканера и бегом бросился к станции связи.

– Салактиона-1! Прием! Господин Абуладзе. Говорит каптри Коглер, «Норгекараван-74». Мы потеряли связь с челноком, который возвращался с Салактионы-2. На орбиту он не вышел,

сигнала бедствия не было. Ничего. Исчез бесследно. Мы отправили на поиски спасательный шаттл. Но!

Абуладзе воспользовался паузой, чтобы перевести сообщение в видеоформат, и увидел на небольшом экране изображение темнокожего человека в форме капитана третьего ранга космолота. Тот продолжил:

– Наш второй шаттл не смог войти в атмосферу. Обе Салактионы окружены каким-то неведомым полем. Вы сталкивались с таким эффектом? Мы – нет! Вероятно, шаттл с туристами упал. Но давайте исходить из возможности вынужденной посадки. Шаттл способен садиться на воду. Пожалуйста, организуйте поиски. Мы обратились на Хэнкессу за помощью и поддержкой, а пока задержимся на орбите. Господин Абуладзе! – Коглер приблизился к камере, и Лев Саныч разглядел капли пота на черном лице каптри. – Сейчас, вся надежда на вас и вашего пилота. Если найдете кого-то, доложите.

Коглер посмотрел в сторону и добавил:

– Держите нас в курсе, пожалуйста.

Сообщение прервалось.

Лев Саныч задумался. «Неведомое поле. Может потому и не видны звезды? А формула двойных планет?» Профессор оглянулся на погашенный экран компьютера, но уперся взглядом в тело девушки на кушетке сканера.

Автоматические диоды нащупали грязные запястья пациентки и теперь жалобно пищали. Во время вынужденной посадки Роверто мерзла, потела и плакала. Перед медицинскими процедурами ей следовало принять душ.

– Сам! Я все сам! – Абуладзе взвалил Элизабет на плечо, в пояснице стрельнуло. Скривившись, он шагнул в сторону душевой, Роверто отозвалась жалобным стоном, и по животу Абуладзе потекло что-то теплое.

– Ну ладно, бывает, – простил он Элизабет и внезапно осознал: – «Сейчас я буду купать девушку!»

В душевой он уложил ее на спину на дно кабины, включил теплую воду и бросил лейку на пол. Раздел девушку до белья, извлек из нагрудного кармана чип удостоверения личности. Сунул форму в стиральную машину, в задумчивости почесал живот, разделся, отправил свои шорты и майку туда же.

– Не гонять же стиралку полупустой? – обратился он к молчащей Элизабет.

Белье на ней было простеньким, хлопчатобумажным, и в этот момент от нее веяло беззащитностью. Смертный жетон на цепочке застрял в лифчике.

– Сейчас я – врач! – твердо напомнил себе Лев Саныч и раздел Роверто догола.

Крупная правильной формы грудь, смуглая кожа, длинные черные волосы. Изысканные руки и ступни ног, тонкие лодыжки, и в то же время налитые женственностью упругие бедра.

«Она одного со мной роста, – определил Абуладзе, – И если смуглая Моника – символ изящности, то белокожая Роверто – воплощение материнства».

Уверенный, что все делает правильно, профессор намыленной губкой тщательно вымыл тело девушки. И вдруг смутился: «Она уже чистая, а я нет!» Вымылся сам, стоя рядом, этой же губкой, и поморщился от осознания собственной тупости.

Лев Саныч снова сел на дно душевой, положил Элизабет спиной на свои колени и тщательно вымыл ей голову. Почувствовал, что делает это с удовольствием. Натуральная брюнетка без единого седого волоса, лет тридцати. Знойная. Льву Санычу захотелось, чтобы она оказалась чуть старше, он запустил пальцы ей в волосы и помассировал голову.

Прежде чем выключить воду, Абуладзе, все-так же оставаясь на коленях, прижал ладони к лицу – лицо горело. «Я маньяк какой-то, а не ученый!»

Успокоился, вытер девушку двумя полотенцами и отнес ее на сканер.

Кутельский еще не вернулся.

Надел на Элизабет свои чистые майку и шорты. Снова включил сканер – на этот раз диоды успешно нашли, куда подключиться. Профессор разглядел, как по трубке из вены заструилась кровь для анализа, отвернулся и поднес ладонь к носу.

Ладонь пахла чистотой девушки.

«Такое чувство, что я прожил с ней всю жизнь, – подумал Абуладзе, – Я уже знаю, как она за собой ухаживает, какое белье носит, на что надеется и на что не надеется. Ну, пожалуй, этого я не могу знать наверняка».

Лев Саныч вспомнил, что забыл чип Роверто в душевой, и вернулся за ним.

– Обезвоживание, крайняя степень переутомления, многочисленные ушибы внутренних органов, – Кутельский читал ленту с диагнозами Роверто, – По крайней мере, она точно не робот! Документы есть?

– Теперь у нас две девушки на руках.

– Обе поломанные, – Чарли принял из рук Абуладзе жетон-чип с электронным удостоверением личности Элизабет и направился к компьютеру в поисках разъема.

– А циферки то четырехзначные, маэстро, – бросил ему вслед Лев Саныч.

– Элизабет Роверто, студентка первого курса факультета психологии и антропологии, – прочел пилот вслух, – 36 лет, не замужем. Чего? 36 лет и первый курс?!

– А выглядит совсем, как юная девушка, – удивился профессор, – Родители?

– Воспитатель – Маргарет Роверто. Ничего не понимаю. Родители не упоминаются.

– У нее четырехзначный личный номер, маэстро.

– Вы хотите сказать, что...

– То самое. Она настоящая землянка. Искусственно зачатая из замороженных клеток. Потому и выглядит так хорошо. А погибшая Маргарет Роверто – ее пробирочная сестра, выращенная на поколение раньше. Мы ее приняли за мать.

– Это может стать проблемой, профессор!

– Почему?

– Вы встречали когда-нибудь настоящих землян? Зачатых от древних? Я – нет.

– И я нет.

– Вы понимаете, насколько они превосходили нас? Технологически, умственно? – спросил пилот.

– Глупости! – возразил Абуладзе.

– А технологии? Их корабли за несколько тысячелетий преодолели невероятное расстояние от Земли сюда. А мы, наша цивилизация, что? Так и топчемся на месте. Стоим неподвижно на интеллектуальном фундаменте, заложенным древними. Вот вы ученый, Лев Саныч, объясните, почему так?

Абуладзе задумчиво посмотрел в потолок.

– Не верю, что они нас превосходят или чем-то превосходили. Да, взрывной рост технологий прекратился. Но сейчас эпоха другая. Вызовы другие. Землянам, чтобы покинуть умирающую планету, требовался качественный рывок. А у нас, их потомков, стоят иные, количественные задачи. Вон в системе Гизы почти все планеты земного типа, не на всех можно жить, но освоить их необходимо все! Даже вашу ледышку Эгаро. Существующих технологий нам достаточно, нет причин для качественного скачка.

– А я думаю, мы просто стали глупее предков! – запальчиво воскликнул Кутельский.

– Вы их романтизируете, маэстро, это – свойство юности.

Чарли поморщился и снова с тревогой взглянул на спящую Элизабет. Профессор примирительно добавил:

– Деградация, о которой вы говорите...

– О ней не только я говорю! – перебил пилот.

– Понимаю, но можно я выскажу свое личное мнение?

– Давайте! – разрешил Чарли.

– Это – не дефект нашего разума, а результат деградации языка.

Кутельский внимательно смотрел на профессора, ждал разъяснений.

– Понимаете, человечество, на тысячелетия заключенное в корабли, несущиеся в бесконечном пустом космосе, банально скучало. Одному мозгу для развития нужны образы, это – одно направление эволюции языков, другому для роста аналитических способностей необходимы объекты и предметы для изучения. Это второе направление эволюции, аналитические языки. А когда нечему восхищаться, нечего анализировать? Причин прерывать анабиоз просто не было. Конечно, многовековая спячка ослабила коммуникационные способности человечества. Стал язык беднее, понятий и слов стало меньше. Вспомнить технологии древних землян понадобилось время. Но глупее мы не стали! Сейчас происходит ренессанс языка, понятийный аппарат снова растет! И через пару-тройку веков прогресс снова понесется вперед и вверх!

Чарли Кутельский не выразил ни малейшего восторга речи профессора:

– Чем эта тетечка занималась первые 35 лет своей жизни? Училась в школе?

Профессор пожал плечами и посмотрел на экран компьютера:

– Информации нет. Может для вас она и тетечка, а для кого-то в самый раз!

– А куда девался «Норгекараван»? Они должны были хватиться шаттла и «мэй-дэй» принять.

– Хватились, но сигнал так и не приняли. С нами уже связались, – Абуладзе указал на станцию связи, – Прислушайте их сообщение.

* * *

Элизабет Роверто села на сканере и несколькими движениями оторвала диоды от запястий и лодыжек, огляделась. Грузный геолог сидел в кресле, стройный загорелый пилот – на кухонном столе – оба с бокалами. На кухне и на рабочем столе перед гигантским погашенным экраном царил невообразимый беспорядок.

– Я что-то проспала? – спросила Элизабет.

Геолог поднялся из кресла и кивнул:

– Лев Саньч Абуладзе.

Элизабет вспомнила его детский взгляд и озорную улыбку, с которой геолог пичкал туристов собственной стряпней. Улыбнулась в ответ.

– Чарли Кутельский – пилот, – Кутельский поставил на стол бокал.

Высокий, симпатичный, почему-то по совместному полету Элизабет его не помнила.

«Ага, он же не разлучался с подружкой».

– Элизабет Роверто, – в свою очередь представилась она, замешкалась на секунду и твердо добавила, обернувшись к Кутельскому, – Спасибо, без вашей поддержки я бы не справилась.

– Да вы – супер! – воодушевился Кутельский.

Элизабет рассматривала емкости на рабочем столе Абуладзе, затем взгляд ее сфокусировался на кулере. Абуладзе отыскал чистую чашку и налил Роверто воды:

– Мы собираемся похоронить погибших.

Роверто шмыгнула носом:

– А за мной и за телами разве не прилетят?

Абуладзе покачал головой и нахмурился. Его жест не ускользнул от Элизабет:

– Что-то случилось?

– Вчерашняя гроза отключила на планете всю электронику, – геолог обвел руками кухню, – И ваш шаттл вышел из строя из-за нее. «Норгекараван» сообщил, что не может

выслать спасателей. Ваш сигнал бедствия они не получили. Атмосфера планеты стала непроницаемой. Какое-то неизвестное поле.

Все на мгновение задумались, и Абуладзе продолжил:

– Гробов у нас нет. Так что поторопимся.

– А ваша девушка, Чарли? Вы же с ней остались здесь, – вспомнила Роверто.

Кутельский зло взглянул на геолога, Элизабет заметила:

– У вас тут любовный треугольник?

– Она не девушка, – пояснил Абуладзе.

– Девушка! – возразил Кутельский.

– Хорошо-хорошо. Девушка – андроид. Во время грозы она тоже сломалась, – уточнил геолог.

– Моника сейчас в спальне, на зарядке, – сказал пилот.

– Мне нужно умыться, – заявила Роверто и направилась в сторону душевой, промахнулась мимо двери, врезалась плечом в косяк.

– С вами все в порядке? – спросил Абуладзе.

– Осторожней! – призвал Чарли.

Элизабет лишь махнула рукой, не оборачиваясь, и со второй попытки попала в дверь.

* * *

Для могилы выбрали место в дальнем углу рощи кипарисов. Мужчины копали яму вдвоем, а Роверто, не отрываясь, смотрела на пакет с телом сестры.

– И стоило ссориться, Марго? – еле слышно пробормотала и заплакала.

«Марго, этот островок – рай, тебе здесь понравилось. Покойся с миром», – мысли Элизабет путались, перед глазами чередой проходили картины ее детства. Маленькая она и взрослая, еще не растолстевшая, Марго с добрыми глазами. Напоследок Элизабет коснулась Маргарет рукой, громко всхлипнула. Абуладзе протянул ей не слишком свежий платок.

Тела в пакетах опустили на дно могилы. Лев Саныч спросил:

– Она вам была кем? Из досье мы поняли, что сестрой.

– Больше. Мы с ней клоны...

– Прямые потомки землян, – перебил Чарли.

– ...с планеты Клиффшен. Она родилась на тридцать лет раньше, воспитала меня, как мать. – Элизабет промокнула слезы уголком платка, глубоко вздохнула и продолжила, – У нее были проблемы со здоровьем, и я ухаживала за ней много лет.

– Но вы совсем не похожи, – удивился Лев Саныч.

– Потому и не были похожи, – Элизабет подчеркнула слово «были» и всхлипнула, – Из-за генетического сбоя у Марго.

Мужчины многозначительно переглянулись.

«Ах да, они, наверняка, меня обсуждали», – подумала девушка.

Пилот спросил:

– Вы посвятили жизнь ей?

– Не совсем, – Роверто отвела взгляд и умолкла.

«Моя болезненная привязанность к Марго очевидна всем даже сейчас?»

Чарли Кутельский вдруг встрепенулся, извинился и убежал. Роверто взяла лопату пилота и помогла Абуладзе закопать могилу.

– Физический труд помогает развеяться, – буркнул геолог.

Через несколько минут Лев Саныч в изнеможении оперся о лопату.

Чарли вернулся в белом парадном кителе и фуражке, что контрастировали с шортами повседневной формы. В руках он нес саксофон.

Пилот произнес успокоительную речь, оказывается, он заранее переписал фамилии погибших. Потом выступила Элизабет.

– Маргарет была мне матерью. Я всегда буду помнить тебя, Ма! Спасибо тебе за все. Да будет земля тебе пухом.

Чарли прочел старинную молитву, Роверто встала рядом с геологом по стойке смирно. А когда Кутельский сыграл мессу, девушка в отчаянии уткнулась в плечо Абуладзе.

– Ну, полно, полно. Возьмите себя в руки, Лизонька.

Услышав такое обращение, Роверто улыбнулась сквозь слезы. Лев Саныч спохватился:

– Можно, я буду вас так называть?

– Можно...

– Ведь все мы там будем. Правда? А надо жить дальше. Вы с нами пробудете какое-то время.

– Угу, – согласилась Элизабет, – Приведу могилу в порядок. У вас тут растут цветы?

– Цветы? Не встречал.

– Возьму себя в руки. И дождусь корабля.

– Вы изучаете психологию? – внезапно и не к месту спросил Чарли.

Он протер саксофон и поглядывал на платформу, видневшуюся среди крон деревьев.

– Я хочу писать диссертацию по этнопсихологии, – ответила Роверто, – Потомки землян так причудливо расселились по планетам системы Гизы, есть что исследовать. Вы стараетесь отвлечь меня?

Пилот пожал плечами и взглянул на Абуладзе:

– Лев Саныч – тоже ученый. Профессор геологии.

– Как? – удивилась Элизабет.

– Бывший, – хмыкнул Абуладзе и утер лоб, стараясь скрыть смущение, – Чарли меня просто дразнит.

Они направились через рошу к лестнице.

– Ничего подобного, – возмутился Кутельски, – А как же ваша теория двойных планет?

– Какая там теория? – профессор скромничал при Элизабет. – Так, формула, и не доведена до конца!

– Расскажите потом? – Роверто оживилась.

Профессор кивнул, в его глазах мелькнула благодарность.

По вертикальной лестнице на платформу Кутельский полез первым. Роверто замешкалась. Лев Саныч уже взялся руками за поручни, но обернулся к ней и понимающе хмыкнул. Вернулся и посадил Элизабет. Почувствовать его большие ладони на бедрах оказалось приятно.

* * *

Элизабет Роверто поднесла руку к решетке мангала, проверяя температуру. «Достаточно!»

Она выложила на решетку размороженную черепаху, убавила огонь и прикрыла крышку. «Пусть томится подольше».

Осмотрелась.

Уставший за день профессор сидел, свесив ноги с платформы, и рассматривал снятый с камней шаттл. Пришвартованный к ангару с противоположной от платформы стороны шаттл стоял на киле ровно.

– Не знала, что он может плавать, – заметила девушка.

– Шаттл предназначен для челночных рейсов с корабля на орбиту и обратно. А планеты бывают разные. Посадка на воду предусмотрена конструкцией, – пояснил Лев Саньч и обернулся.

Глаза у профессора были голубые.

– Сейчас он на мели, киль лег на песок, посмотрим, как он поведет себя во время прилива?

– Выдержат ли канаты? – спросила Элизабет.

– Угу.

Абуладзе шмыгнул носом. Аромат печеной черепахи достиг края платформы.

Кутельский выбрался на крышу ангара, увидел Роверто и по-мальчишески спрыгнул на платформу, проигнорировав лестницу. Прыгающей походкой смуглый пилот подошел к ним и подвел итог дня:

– Шаттл не взлетит.

Усталый профессор молчал, потому Кутельский продолжил доклад:

– Двигателям каюк, вода... Но корпус не пострадал. Если заменить кормовой люк, то внутри можно жить или...

– Чем его заменить? – перебил Абуладзе.

– ...Или использовать шаттл, как баржу, – закончил фразу Чарли и пожал плечами.

Пилот, как гончая, повел носом, смешно раздувая ноздри.

– А пахнет вкусно!

– Идемте обедать, – согласилась Роверто и направилась к мангалу.

Земноводное можно было назвать черепахой только с большой натяжкой. Оно скорее напоминало моллюска с тремя ножками, одна из которых служила головой. Но панцирь на брюхе от температуры стал тонким и поддавался обычному ножу. Слегка пахло подгоревшими креветками.

Мужчины заняли столик у перил, потягивали пиво. Элизабет на соседнем столике орудовала ножом. Мясо черепахи резала вместе с панцирем.

Чарли Кутельский неспеша осушил очередной бокал и спросил:

– Лев Саньч, а вам не кажется подозрительным зашифрованный сигнал, который мы приняли перед грозой?

– Кажется. А что именно?

– Может, он предназначался не нам? Элизабет, вы на шаттле не принимали никаких странных сообщений?

– Мы с Марго были в туалете. Она как раз вышла, а я зашла, когда это случилось.

Пилот замер с вилкой у рта:

– Может, сигнал отправила Моника?

– Исходящий сигнал не может вырваться из атмосферы Салактионы, и Моника об этом знала, – возразил Абуладзе.

– А если она отправила сообщение не в космос, а вашему компьютеру?

Лев Саньч вскочил на ноги.

– Отличная идея, – заметила Роверто, – Компьютер должен расшифровать файл?

– Или хотя бы посмотрим в справочнике, что означает этот код? – добавил Абуладзе.

Он с уважением посмотрел на собеседников, но не успел сделать ни шагу. Скрипнула дверь. Они обернулись на звук и застыли в немом удивлении.

Глава пятая Бунт Моники

В майке на голое тело Моника вышла из здания станции, слегка покачиваясь на негнувшихся ногах. Не открывая глаз, девушка волокла по земле одеяло, зажав уголок в кулаке.

– Моника, как вы себя чувствуете? – Лев Саныч Абуладзе шагнул ей навстречу.

– Ты тут такое проспала! – добавил Чарли Кутельский.

Девушка, по-прежнему с закрытыми глазами, подошла к столику Элизабет Роверто, уронила одеяло, схватила с мангала остатки черепахи, впилась зубами в брюшко. Жир земноводного стекал по изящным пальцам и тонким запястьям к локтям, а когда Моника зачавкала, брызги попали на майку. Лев Саныч и Чарли смотрели на девушку, на брызги жира и норовили заглянуть под задиравшуюся майку.

Роверто с гримасой брезгливости отвернулась: «Голодные самцы! Вроде поняли, что Моника – не человек, но совладать с инстинктами не могут. Или не хотят».

Насытившись, Моника отряхнула пальцы, зыркнула на мужчин одним глазом, и представилась Лизе:

– Моника Витовв.

– Элизабет Роверто.

Обошлись без рукопожатий.

Моника обернулась к мужчинам:

– Написано же в инструкции, требуется белковая пища. Не догадались меня покормить? Заряд бы быстрее пошел.

Тут она заметила шаттл, нос которого торчал из-за ангара.

– Что случилось?

Ей вкратце пересказали события ночи.

Моника все-таки пожалала руку Элизабет и холодно сказала:

– Соболезную.

Роверто кивнула. Моника отвернулась и, грациозно виляя попкой, направилась в домик. Мужчины проводили ее взглядом, заметили, с каким вызовом на них смотрит Элизабет, и одновременно покраснели. Моника хлопнула дверь.

Лев Саныч и Чарли бросились к двери. Юноша опередил встревоженного профессора, подергал ручку:

– Заперта!

– Мы обычно не закрываем двери, – пояснил Абуладзе Элизабет, которая неспешно подошла к ним.

– Моника! Откройте! Зачем вы заперлись?! – крикнул Чарли.

– Что делать будем, маэстро? – Лев Саныч приложил ухо к двери. – Тихо.

– Вернулась на зарядку? – предположила Элизабет.

– За мной! – Кутельский направился за угол, профессор и Роверто пошли следом.

Осторожно они двинулись по карнизу, огибая здание и заглядывая в каждое окошко. Роверто было не по себе видеть верхушки кипарисов в пяти метрах внизу, но ее спутники на карнизе чувствовали себя уверенно.

Моники нигде не было видно, но, когда они добрались до кухонного иллюминатора, Лев Саныч чертыхнулся. Роверто последней заглянула внутрь, увидела лабораторию, склад насквозь и распахнутую входную дверь.

– Назад! – велел Кутельский.

Пилот подтолкнул профессора, тот – Элизабет, и через пару минут они оказались на прежнем месте. На платформе Моники не было. Лев Саныч с опаской осмотрел дверь. Вошел

внутри. Кутельский еще раз оглядел пустую платформу, последовал за ним. Внешне ничего не изменилось – обычный беспорядок. Последней вошла Роверто. И тут дверь у них за спиной скрипнула, закрылась, замок щелкнул.

– Обвела вокруг пальца, как детей! Но зачем? – воскликнул Абуладзе и опустился в кресло.

А вот у Кутельского еще оставались силы стучать и ругаться. Роверто невозмутимо налила себе пива в кофейную чашку.

«Ситуация, однако. Взбунтовавший робот. Восстание машин».

Абуладзе ткнул пальцем в клавиатуру – компьютер не включился.

– Какие будут идеи, маэстро?

– Почитаем инструкцию, профессор! – Чарли взял со стола пачку бумаги. – Если она сошла с ума, у нас нет никаких шансов. Искусственный интеллект, 16 поколение. Безнадежно. А ваш комп какого?

Лев Саныч снова потыкал клавиатуру, сплюнул:

– Был четырнадцатого. Вы в своей летной школе компьютеры проходили?

Чарли неуверенно кивнул, от Абуладзе эта неуверенность не ускользнула:

– Троечник?

Кутельский еще раз кивнул.

Элизабет спросила:

– Розетку смотрели? Может она провод... того?

Абуладзе метнулся к последнему стеллажу. С минуту оттуда торчали его крепкий зад и худые ноги:

– А вы – голова!

– Вы тоже ничего! – улыбнулась в ответ Роверто.

Профессор вернулся в кресло. На гигантском экране возникло окошко с требованием пароля.

– Пароль установила. Взламывать умеете?

Чарли и Роверто отрицательно покачали головами. Помолчали. Пилот постарался успокоить профессора:

– Зато так светлее. С включенным экраном.

– Нет, юноша, напрягайте мозг. Уж насколько я старый человек, и то помню из школьной программы, что робот не может причинить зла человеку!

– Искусственный интеллект 16 уровня? Противопожарная система управляется компьютером? – спросил Кутельский.

– Нет. Я ее отключил тумблером.

– Ну, так включайте. Сейчас устроим маленький пожар и... Двери разблокируются.

Пока Абуладзе ходил к щитку, Чарли Кутельский выложил на включенную плиту бумажки, вырванные из блокнота профессора, поджег протянутый Элизабет комок.

Когда бумага загорелась, и дым повалил к потолку, товарищи по несчастью заранее заняли место у двери.

Сработала сигнализация, послышались обнадеживающие щелчки, из раструбов на потолке повалила пена, из специальных щелей в стене – углекислый газ. Много газа.

Сначала пилот, потом профессор и Элизабет по очереди подергали ручку двери.

– Заперто, черт бы ее побрал! – Лев Саныч растерянно посмотрел на Кутельского.

Дышать стало труднее.

– Что это щелкало? – Чарли потянул Абуладзе за руку, как ребенка, в сторону окна.

Профессор не ответил, он готовился упасть в обморок, но подчинился пилоту.

– Залезайте! Углекислый газ выталкивает кислород к потолку, сможете дышать.

Чарли и Роверто посадили грузного Льва Саныча на верхнюю полку стеллажа. Профессор уселся там, неуклюже прижимаясь к потолку, за который хватался руками. Элизабет забралась рядом. Сам Кутельский подергал ручку окна. Окно тоже не поддавалось. Углекислого газа стало больше. Пилот схватил кухонный нож и принялся долбить стекло. Оно оказалось космической прочности и, конечно же, не уступило усилиям Чарли. Лоб его покрылся испариной. Сдавшись, он забрался на стеллаж и примостился рядом с девушкой:

- Что вы там говорили о первом законе робототехники, профессор? Сдохнем сейчас.
- Не паникуйте, – только и смог сказать Лев Саныч сдавленным голосом.

Роверто передумала сидеть на одной полке с мужчинами, набрала полную грудь воздуха, задержав дыхание, спрыгнула на пол и перебралась на стеллаж напротив.

Вдруг раздался еще один щелчок, окна геостанции распахнулись, послышалось шипение. Автоматика пожаротушения решила, что справилась с огнем, и теперь вытесняла углекислый газ заборным воздухом. Потные, покрытые клочьями пены, геолог и пилот не спешили слезать. Сейчас они напоминали жалких мокрых куриц, застрявших на насесте, черную и белую. Роверто хихикнула:

- А почему вы решили, что система разблокирует дверь, Чарли?
- В кино видел.
- Ну, так значит, она это кино тоже видела и предусмотрела.

Они еще чуть-чуть подождали развития событий, но ничего не происходило. Спустились вниз.

– Она предвидит наши поступки, – задумчиво произнес Абуладзе, остановившись перед рулоном бумажных полотенец на стеллаже.

Пилот стер ком пены с кресла геолога и жестом предложил Элизабет сесть:

- И?
- Думайте, Чарли, это должен быть нестандартный ход! – сказал Абуладзе.
- Почему, профессор? Что стало причиной такого поведения Моники? Она запрограммирована соблазнять и вдохновлять!

– А вы ее не обижали? Что случилось? – Роверто взяла инструкцию и бегло пробежала глазами по верхнему листу.

«Отозвавшись на обращение «профессор», я поторопилась», – подумала она.

Абуладзе пожал плечами и внимательно посмотрел на девушку:

– Безусловно, она умнее нас. Где и когда были столкновения человечества с искусственным интеллектом?

– Да не было таких столкновений! – ответил Кутельский.

– Знаете почему? – Элизабет скомкала ком из пены на столе перед Чарли. – Вот эта сфера – личность человека. Внутри клубятся мотивы. Извлеченные из подсознания мотивы при достижении поверхности сферы становятся желаниями.

– Я это проходил в школе, – буркнул Кутельский.

– Эго, – пояснил Лев Саныч.

Роверто принялась водить пальцем по поверхности пенной сферы. Мыльные шарики лопались, и ком уменьшался на глазах.

– Общество рисует узоры на поверхности сферы, правила и ограничения, согласно которым человек живет. Условия.

– Супер-Эго, – сказал профессор, – Это экзамен по психологии?

Роверто не ответила на вопрос, а продолжила:

– У искусственного интеллекта нет мотивов и нет подсознания. То есть, если личность Моники – сфера, то она пуста, и робот действует согласно написанной разработчиком программе.

– Так что происходит с программой нашей девушки? – Абуладзе хлопком ладони уничтожил ком. – Я могу вспомнить только три случая, когда ученые баловались личностью искусственного интеллекта.

– Планета Дрюма, – вспомнил Кутельский.

– Дюрма, – поправила Роверто.

– Но там было не то, – сказал Абуладзе, – Тамошние ученые стимулировали наркотическое опьянение у искусственного разума. Создали ему рецепторы удовольствия и мотивировали удовлетворять их. А так как любой робот питается энергией, искусственный интеллект Дюрмы мгновенно рассчитал кривую угасания удовольствия, определил, сколько ресурсов ему для этого понадобится, и обесточил планету.

– При этом он закрылся от человечества и до сих пор пребывает в нирване, – добавила Элизабет.

– Боевые роботы не превышают девятого уровня, – сказал Чарли, – Я всегда думал, они быстрее, сильнее, эффективнее человека. Что мешает им нас подмять под себя?

– Нет мотива, юноша, – профессор посмотрел на Элизабет, – Извечный вопрос «зачем?» Столкновение искусственного интеллекта и человека невозможно, потому что собственное существование для робота не является ценностью. Он не будет бороться за свою жизнь, потому что мотива жить у искусственного интеллекта нет.

Абуладзе смахнул пену со стеллажа и увидел на полке саксофон.

– Категории «ценность» и «стоимость». Робот может посчитать стоимость своего существования, но это – не ценность. У него нет мотивов.

– Сто-и-мость, – Кутельский произнес слово по слогам, – Поэтому нас не заменили роботами здесь, профессор?

– Конечно! – хмыкнул Лев Саныч. – Представь! «Гала Гео» вбухает кучу денег в супер-робота, а тот ничего не найдет! Ужас! А если мы облажаемся, нам можно просто не заплатить. Плюс участие 16-го искусственного интеллекта в системе космической связи увеличит стоимость исследований планеты на порядок. А если поломка робота? Ремонтная операция обойдется еще на порядок дороже. Не имеет смысла, маэстро! Проще послать человека и дешевых роботов-помощников.

Кутельский встал и взял в руки сакс.

– Интересно, она могла сочинить симфонию за меня?

– Так вот почему вы зовете пилота «маэстро»? – спросила Элизабет.

Но геолог проигнорировал ее:

– Это второе направление развития искусственного интеллекта. Тоже тупиковое.

– Почему? – спросил Чарли.

– Из всего многообразия мира математически идеальный робот-творец предпочитает шахматы. И создает миры под стать себе, черно-белые, математически выверенные и скучные.

– То есть задача Моника вдохновлять? – напомнил пилот.

– И подсказывать.

Чарли дунул в выключенный инструмент и вытер мундштук подолом рубашки.

– А вашу теорему могла за вас доказать?

– Что за теорема? – спросила Роверто, но собеседники не обращали на нее внимания.

– Построить функцию, – поправил пилота Абуладзе, чуть помедлил с ответом, – Вряд ли. Все-таки ей тоже нужны данные для анализа. Как и нам. Вдохновлять и подсказывать.

Они помолчали.

– А третий случай? – напомнила Элизабет с таким видом, словно знала ответ.

– Третий случай здесь – на Хэнкессе, – Лев Саныч ткнул рукой в потолок, – Самый совершенный искусственный интеллект, созданный человечеством, впал в спячку и активировал режим экономии ресурсов. Компьютер находится в режиме вечного ожидания.

– Ожидания чего? – спросил Чарли.

– Интересной задачи. Нестандартной задачи. Это – тупик развития. Человечество оказалось слишком простым для искусственного разума, и самый умный робот помогает человеку на доли процента своих возможностей. Как мозг. Большого человеку не нужно. Потому развитие искусственного интеллекта прекратилось. Зачем?

– Но робот – секс-кукла 16-го уровня? – спросил пилот.

– Муза – это нестандартная задача. Даже для робота. Научиться манипулировать нами. Выходит, искусственный мозг Моники наткнулся на интересную задачу, столь интересную, что она пренебрегла программой Музы, – после этих слов Абуладзе задумался.

За окном с ревом стартовала ракета, собеседники глянули на огненные сполохи в окошке.

– Что это? – спросила Роверто.

– Зонд связи. Очевидно, весь этот цирк с прятками она затеяла лишь затем, чтобы без помех передать файл дальше.

– Интересно, что там было? – спросил Кутельский.

– Какая разница? – ответил Лев Саныч, – Моника не знает, что связи с внешним миром нет. Мы ей не успели сказать.

Пена таяла, повсюду оставались мыльные лужи.

– Расскажите про свою формулу, – потребовала Элизабет.

Профессор принялся за уборку. Роверто помогала.

– Существование двойных планет противоречит формуле Скруджа-Григорьевой, – Абуладзе посмотрел на экран, на котором сейчас не было ни формулы, ни схемы Салактионы, – Звезды не видны, но не только. Вам, правда, интересно?

– Да! – сверкнула глазами Элизабет.

Профессор воодушевился. Роверто слушала рассказ Абуладзе о загадке Салактион, о научном поиске и противоречиях формулы, и думала: «Как все-таки меняются люди, когда увлечены чем-то настоящим!»

Чарли задумчиво следил за ними. Включил саксофон, добавил громкости и заиграл свою симфонию.

На экране компьютера в окошке ввода пароля пробежали несколько тысяч цифр, из динамиков по бокам полилась мелодия симфонического оркестра, которая заглушила сакс Чарли.

– Симфония ля-мажор Эльдиния, опус 14, – Абуладзе прочел на экране надпись вслух.

Он так и остался стоять между стеллажами с бумажной салфеткой в руках.

Чарли поперхнулся и прекратил играть. Музыка из компьютера геостанции тоже стихла. Пилот заиграл вторую часть симфонии, а Лев Саныч дождался рева из динамиков собственного компьютера и с удовольствием прочел:

– Трек из фильма «Долина забвения» 36 год планета Спооги.

Кутельский покраснел.

– А вы плагиатор, Чарли. – заметила Элизабет, – Забавное у вас соревнование.

Пилот зло посмотрел на нее, словно собираясь перекусить мундштук саксофона.

– Ладно. А вот в оригинальности кульминации я уверен!

Он сыграл короткий этюд. Компьютер молчал.

Входная дверь бесшумно отворилась, и на пороге возникла Моника. Как ни в чем ни бывало девушка скомандовала:

– Еще раз! И медленнее!

Она сунула руку в ком пены, скрывавший мусорную корзину, и извлекла оттуда соломинку для питья. Взмахнула ею, как дирижерской палочкой, и кивнула.

Выход она загоразивала собой, и Кутельский подчинился.

Лев Саныч слушал их с довольной физиономией.

«А ведь Чарли – умница», – подумала Элизабет.

Кутельский отыграл свою кульминацию и, когда мелодия стихла, радостно взглянул на Абуладзе.

– Еще раз! Без меня! – Моника отшвырнула соломинку и подошла к пустующему креслу геолога.

Чарли заиграл в третий раз. Девушка оперлась на спинку кресла обеими руками, при этом она слегка наклонилась и выпятила попку. Так, как будто ей мешала грудь.

Лев Саныч сглотнул слюну, но заметил взгляд Роверто и покраснел.

И тут Моника запела необыкновенным голосом. Девушка исполнила партию на неизвестном языке и замолчала только тогда, когда наступил момент шедевра Чарли.

– Вот это да! – Лев Саныч явно позабыл о своих эротических фантазиях и заплодировал. Роверто тоже захлопала в ладоши.

Кутельский подхватил Монику за руку, и они церемонно откланялись, дуэтом.

– Как это вы, Моника? Что это за голос? – Элизабет распирало любопытство.

Прежде чем ответить, девушка-робот легонько поцеловала композитора в губы.

– Сопрано в сопровождении детского хора.

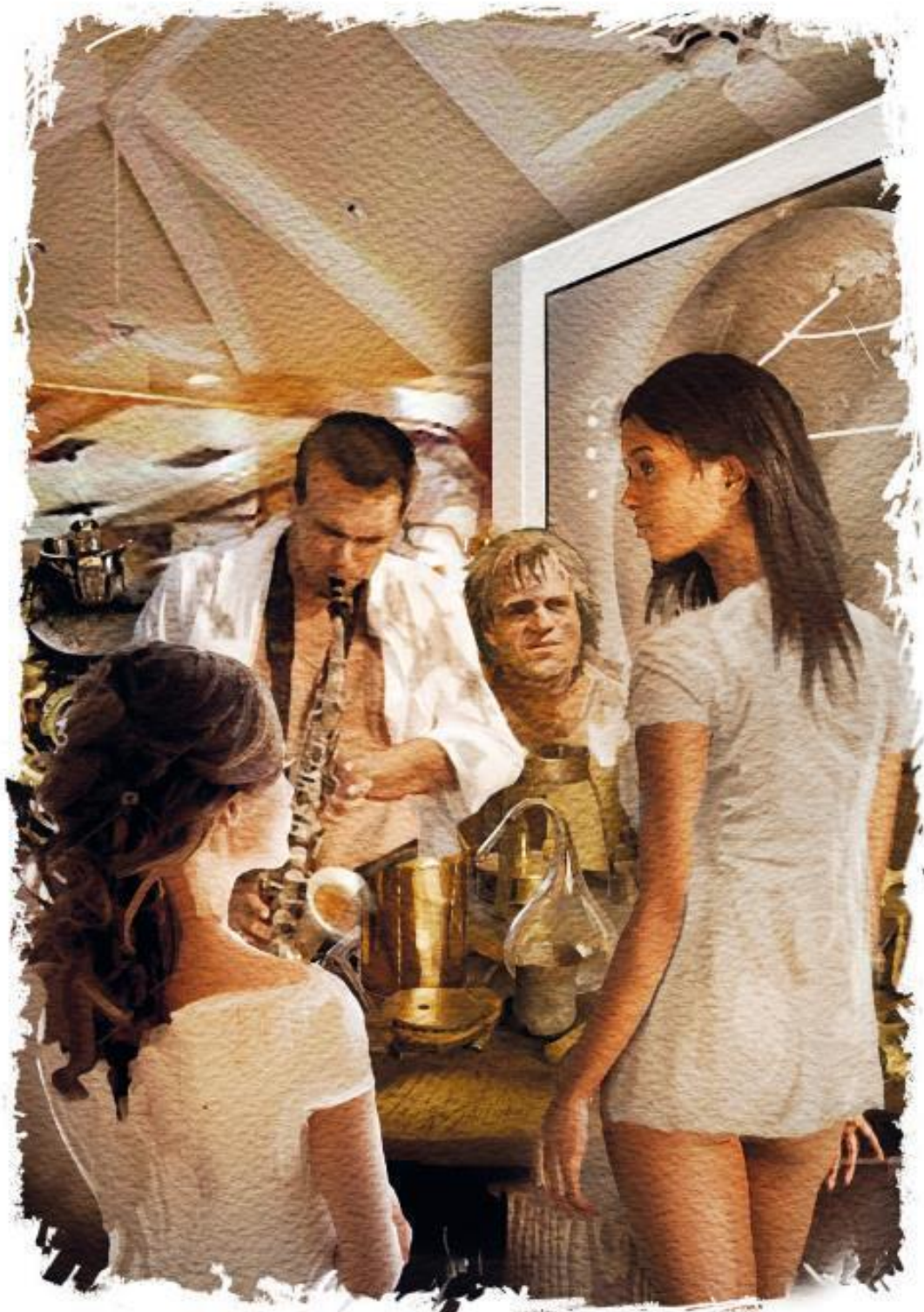
Потом произнесла название песни на том же непонятном языке.

Лев Саныч и Чарли переглянулись.

Моника с любопытством взглянула на Элизабет:

– Вам уже рассказали, кто я?

– Да, Моника! – Роверто пожала протянутую руку, – Вас не узнать! После корабля вы так преобразились!

Мужчины переглянулись, а Абуладзе спросил:

– Что вы имеете в виду?

– Да хотя бы взгляд! Томный, мутный – «нечто, требующее оплодотворения». А теперь?!

– Обстоятельства изменились, – оборвала ее Моника, – За комплимент спасибо.

От слов робота повеяло угрозой.

– Моника, – осторожно начал профессор, – А какое сообщение вы отправили?

– Вы же видели код, – девушка перевела укоризненный взгляд с геолога на пилота, – Директива от 4136 года, помните? Я обязана отправить доклад немедленно.

Мужчины замерли, Роверто уронила на пол скомканное бумажное полотенце, а Моника кивнула, упредив возможный вопрос. Абуладзе недоуменно глянул на пилота.

– Это-о-о-о, – простонал Кутельский, – Сообщение о контакте?

– Да! – Моника была сама кротость. – Пойдем, покажу, что было в файле.

* * *

«Контакт. Простенькое, всего из двух слогов словечко. А за ним – столетия поисков собратьев по разуму. Бесконечная череда тщетных попыток и вот... Все так просто. Почти буднично», – Лев Саныч развернул стулья лицом к экрану компьютера.

Его руки дрожали.

Моника отыскала среди грязной посуды клавиатуру, обернулась. Ожидая, пока все расядутся. Элизабет достался стул между Чарли и Абуладзе.

На экране появилось изображение валуна с рунами, не совсем телевизионное, а несколько мультяшное. Результаты анализа с невероятной скоростью зарыбились по краям изображения, там, где у человека располагалось боковое зрение. Но данные, выводимые мозгом Моника на экран, не предназначались для немедленного изучения. Потому зрители не успели рассмотреть ничего.

– Это ж тот самый камень, на котором мы нашли вас! Он же был гладкий?! – воскликнул Кутельский.

Камера в глазу Моника переместилась с узора на валуне на песок, неестественно белый. Вместо уродливых, покрытых плесенью, скал поляну обрамляли серые колонны. Цвета изображения не имели полутонов.

– Где это вы? Антураж не наш! – удивился Абуладзе.

А потом из-за колонн появились они. Люди. Моника оказалась в центре неизвестного ритуала. Люди одновременно приблизились к Монике со всех сторон, что можно было принять за угрозу, но камера в глазу девушки не дрогнула. Лица, окружавших Моника существ излучали доброжелательность.

– Рост! – Стул под Кутельским хрустнул. – Они маленькие!

– Гномы? – предположила Элизабет и слегка отодвинулась от пилота.

В самом деле, даже будучи на камне на четвереньках Моника оказалась выше всех приблизившихся.

Аборигены зашевелили губами все разом, но Моника не ответила. Затем они выполнили танцевальное па с поклоном в конце. Теперь их глаза излучали восторг и... За кадром вверху сверкнула молния. Изображение прервалось.

Моника неподвижно стояла посреди лаборатории и внимательно ждала реакции зрителей.

Чарли вскочил и обежал вокруг нее:

– Моника нашла местную цивилизацию!

– Но откуда она взялась, и почему мы их не видим? – воскликнул Абуладзе.

– Моника, отмотайте запись назад, пожалуйста, на аборигена крупным планом, – попросила Роверто.

Моника перемотала запись назад, поставил на паузу. Элизабет взяла у девушки-робота клавиатуру и увеличила изображение аборигена.

Добродушное бородатое лицо мужчины ничего не говорило о возрасте. На аборигене была блузка, темный плащ на плечах и шорты до колен.

Роверто подошла к экрану и указала на кисть руки жителя Салактионы:

– Перепонки. Если это так, они способны жить и под водой. Они вышли из моря.

Все задумались. Видеозапись возобновилась, после молнии экран зарябил, потом запись перезапустилась сначала. Камера показала Кутельского, бегущего к лестнице в рошу. Потом Моника обернулась, но вместо геостанции камера показала...Пещеру. Темный вход терялся в тропических зарослях. Опешивший Чарли ткнул указательным пальцем в клавиатуру, которую по-прежнему держала в руках Элизабет, ловко попал в кнопку «паузы». Пилот облизал пересохшие губы и сказал:

– Это же наша станция! Только заросшая непонятно чем...

Абуладзе встал и подошел к экрану вплотную, обернулся к девушке-роботу:

– Вы видите нашу станцию такой?

Моника кивнула.

– Наверное, здесь и кроется ответ, – задумчиво произнес Лев Саньч, – Потому антураж не наш. Следует изучить устройство вашего зрения, Моника. Кстати, а почему, ваша батарея разрядилась так быстро?

В глазах Моника блеснули слезы:

– Негативные эмоции! Вы тут такое устроили! Я необычная девушка. Мне недостаточно одного электричества.

– Мы в этом уже убедились, – хмыкнул Абуладзе.

– Успокойся, Моника, это была гроза, мы видели молнию, – начал оправдываться Чарли, – В шаттл с «Норгекаравана» тоже попала молния.

– Молния? – Моника повторила жест Абуладзе – потерла пальцами переносицу. – Молния... Между прочим, Лев Саньч, я завизировала доклад вашей подписью!

– Моей? А я тут каким боком? – Абуладзе поморщился.

– Вы здесь лицо официальное. А моя миссия, скажем так, весьма деликатна. – ответила Моника.

– Мы забыли вам сказать. Связи с Хэнкессой нет. Скорее всего ваше сообщение не ушло. Как и все предыдущие.

* * *

Абуладзе, втянув голову в плечи, вышел наружу. Какая та неясная тревога долбилась в темечко изнутри. Словно, какая-та мысль никак не могла оформиться. Не обращая внимания на сырость, он залез на крышу ангара и спустился внутрь осмотреть плантацию. Вид растений обычно помогал сосредоточиться.

Автоматические створки потолочных окон во время дождя повернулись ребром, и растения насытились живительной влагой. Пахло сыростью и хмелем. Через пару месяцев предстояло собирать урожай. Лев Саньч провел ладонью по колосьям ячменя и тяжело вздохнул. Ему стало жалко себя, плантацию, налаженный быт станции, и даже жадную компанию-работодателя. Геологические и астрофизические изыскания, еще вчера бывшие такими значительными, сейчас казались ему ерундой.

«Никому теперь не будет дела до гибсония. Экологи отыщут с помощью Моника аборигенов... Интересно, для них сделают зоопарк или резервацию?» – профессору захотелось немедленно задать этот вопрос Кутельскому, шаги которого он слышал на крыше ангара. Но это оказалась Роверто.

– А вы хозяйственный, Лев Саньч, – похвалила Элизабет профессора, – Покажите, что тут у вас?

Оттаявший от комплимента Абуладзе собрался было провести экскурсию, но в этот момент на антресоль с крыши спустился пилот. Чарли взглянул на профессора сверху вниз, почесал затылок:

- Я что-то не понимаю, профессор?
- Угу. Думаю, Моника уже догадалась.

В ангар спустилась Моника, ее шагов не услышал никто. Девушка успела принять душ и переодеться, и несколькими движениями ладони стряхнула капли с волос. Ее обнаженные плечи блестели всеми оттенками кофе в ярком свете ангарных ламп.

- Вот вы где прячетесь!
- Лев Саньч не рад вашему открытию! – сообщил Чарли.

Элизабет ободряюще уцепилась за ладошку профессора.

– Я должен вам кое-что сообщить, важное и секретное, – угрюмо произнес Абуладзе, – «Гала-гео-индастри» считает меня лентяем, мол, я срываю сроки. На самом деле, мы с вашим предшественником, маэстро, давно закончили программу исследований. Гибсония в промышленном масштабе мы не нашли.

– Но!

– Не перебивайте, Моника! – Абуладзе вырвал руку из ладошки Роверто и с виноватой улыбкой присел на край кадки. – Я придерживаю отчеты, тяну время. Чтобы найти на Салактионе хоть что-нибудь! У меня кредиты! Понимаете? Мне нельзя возвращаться на Хэнкессу пустым.

Все молчали, потому Лев Саньч продолжил:

– И формула двойных планет – для меня не просто формула, которая не работает на Салактионе. Я надеялся отыскать что-то в недрах. То, что делает пару планет стабильной.

Слушатели по-прежнему не реагировали на признание профессора. Роверто села на край кадки по соседству и смотрела на Абуладзе с иронией. Так она маскировала жалость, чтобы не обидеть Льва Саньча. Кутельский разглядывал Моника, которая слушала, не шевелясь.

– Теперь обман раскроется, – продолжил Абуладзе, – Нашу программу, скорее всего, прикроют. Салактиону оккупируют толпы исследователей космоса. Специалистов по неизученным цивилизациям. А нас выкинут... И «Гала-гео-индастри» тоже. Хотя я понимаю, что неправ. Интересы человечества, исторический момент. Но, почему мы? Нищие, как церковные крысы, прозябаем на захолустной планете, за гроши ищем полезные ископаемые. И именно мы находим другую цивилизацию! Тыщу лет люди искали инопланетян по всей вселенной, море денег растратили, а они вот – под боком.

– Лев Саньч, ну что же вы? – Кутельский посмотрел на Абуладзе с сочувствием.

Профессор подошел к лестнице.

– У профессора приступ малодушия, – пояснила Элизабет.

– Ладно. Это... У меня плохое настроение из-за низкого давления. Кровь застаивается, потому в сон клонит. Кстати, – Лев Саньч отпустил лестницу, обернулся и плотоядно взглянул на Моника, – Я знаю способ поднять мне настроение! Кто тут у нас секс-робот?

Кутельский вспыхнул и заслонил собой Моника:

– Вы – сексуально озабоченный барыга!

– А вы – сопливый романтик, – огрызнулся Лев Саньч миролюбиво.

Моника остановила начавшуюся ссору:

– Ай-яй-яй, а еще видный ученый... Кровь можно разогнать спортивными упражнениями. Например, побегать вокруг деревьев.

Она обошла пилота и посмотрела ему в лицо с улыбкой ангела, но тот игры не принял и нахмурился. Моника обернулась к профессору:

– Так будет неинтересно, Лев Саньч. Я – вершина технологии искушения, модель «Муза», а вы... Еще б за пивом меня послали... Ай-яй-яй... Вы перестали видеть во мне молодого ученого, а считаете резиновой шлюхой.

Абуладзе покраснел, сказанное девушкой было правдой и неправдой одновременно. Кутельский гневно глянул на профессора, но сказать ничего не успел. Роверто прокомментировала:

– У Чарли когнитивный диссонанс. Он понимает умом, что вы, Моника, – андроид, но сердцем не может с этим смириться.

Кутельский сложил руки на груди и опустил голову смущенный. Профессор сказал:

– Спасибо, Лиза. Моника, что нам делать?

– Давайте решать задачи по мере возникновения. Вопрос первый: почему я вижу аборигенов, а вы – нет?

– Почему? – пилот и профессор спросили хором.

– Давайте искать ответ! – Моника уверенно обошла Абуладзе и ступила на первую ступеньку.

Чарли потрогал колосья в кадке:

– А забавно тут у нас. Недоступная секс-кукла возглавляет миссию по поиску невидимых инопланетян.

– Она вами манипулирует, – заявила Роверто.

– Кстати, – Моника обернулась, стоя на лестнице, – А что, Элизабет, вы изучаете на психфаке в университете Клиффшена?

– Антропологию и культуру. Первобытное древнее население Земли и все такое. А что?

– Любая цивилизация оставляет материальные памятники, произведения искусства, – Моника посмотрела на профессора, – Вы только представьте, сколько могут стоять поделки инопланетян на Хэнкессе?

– Здесь мы – инопланетяне, – уточнил Лев Саньч.

– Какая разница? Если вы, земляне, превосходите аборигенов технологически, – Моника оглядела собеседников, – То они не смогут нам противостоять.

– Вы предлагаете их ограбить? – В глазах Роверто мелькнул и тут же потух интерес.

Моника ответила, взобравшись на вторую ступеньку лестницы:

– Я рассуждаю утилитарно. Существует возможность решить ваши материальные проблемы и учесть интересы человечества.

Она переводила взгляд с одного мужчины на другого и избегала смотреть на Элизабет. Все молчали.

– Лев Саньч, пожалуйста, поддержите меня. Нам выпал исторический шанс! Я не хочу его упустить. Пожалуйста!

После этих слова Моника выбралась на крышу.

«Исторический шанс выпал нам? – подумал Абуладзе и прикрыл ладонью рот, – Он выпал тебе, моя прелестная муза. Если мне ввязываться в эту историю, то ради тебя». Перед глазами профессора мысленно мелькнула формула. «Но Моника права еще кое в чем».

– Лиза, – Лев Саньч обернулся к Роверто. – Понимаете, добыть произведение салактионского искусства полдела. Потом его придется пристроить. Вы сможете помочь?

– На Клиффшене – да. Но... – Элизабет нахмурилась и отвернулась.

– Что-то не так? – Лев Саньч заметил гримасу Роверто.

– Не так. Моника вас не любит.

Пилот и Элизабет последовали за роботом. Профессор поддержал Роверто за бедра:

– Каким словом назывались на Земле охотники за артефактами?

Элизабет, не оборачиваясь, ударила его по рукам:

– Конкистадоры.

И вылезла на крышу ангара.

Яркая звездочка возвращавшейся связной ракеты пересекла черную громаду второй Салактионы, зависла над головами и мягко, с шипением, приземлилась на платформу. Чарли

спрыгнул вниз и остановился около ракеты, ожидая, пока корпус остынет. Абуладзе коснулся плеча Роверто и удержал ее на крыше ангара:

– Так что вам не нравится, Лиза?

– Ваша меркантильность.

Плечи профессора поникли.

– Прожили жизнь, а так и не поняли, что деньги – не главное.

– Легко вам так говорить.

– Вы ученый! – звонко заявила Элизабет, улыбаясь. – Загадка двух Салактион и ваша формула, способная ответить, что удерживает их вместе?

Профессор молчал.

– Что может быть возвышенней, чем прикосновение к тайне? К тайне мироздания!

Абуладзе не ответил, лишь тяжело вздохнул.

– Какие у вас цели, Лев Саньч? – тоном строгой учительницы спросила Роверто.

– Заработать денег, – буркнул профессор.

– Неправда! Деньги вам не нужны. Деньги нужны банку!

– Согласен.

– Профессор, а мечта у вас есть?

Абуладзе не ответил и пристально посмотрел в лицо Роверто. Глаза девушки светились азартом.

– Раскрыть тайну двойных планет! – вместо него ответила Элизабет. – Но согласитесь, если мы подружимся с местными, а они наверняка знают свою планету лучше нас, то вы легче достигнете обеих целей! Найдете если не гибсоний, так что-нибудь еще!

– Вы думаете?

– Уверена! – Элизабет встряхнула волосами. – Потому нам лучше сотрудничать! Мы – команда!

Цунами прилива оборвало разговор. Абуладзе и Роверто остановились у перил. Моника вышла из домика за приземлившейся ракетой, подошла к ним. С перекошенным лицом профессор смотрел на водоворот у опоры.

– Что случилось, Лев Саньч? – спросила Моника.

– Вот эти темные блики, Лиза, Мо, на самом деле какого цвета?

Моника присмотрелась:

– Зеленого.

– Мне тоже так кажется, – подтвердила Роверто.

– Зигрит? На высоте трех километров? Он должен был раствориться! Черт!

– Такого раньше никогда не было? – тревога профессора передалась Элизабет.

– Никогда! Две семьсот для него предел высоты.

Едва Абуладзе прикрыл за вошедшими дверь геостанции, настенный компьютер принял новое сообщение.

– Салактиона-1! Прием! Говорит, Норгекараван-74, капитан Коглер. Господин Абуладзе. Мы не получаем никаких сообщений. Ни ваших, ни со второй Салактионы. Мы считаем, что ситуация чрезвычайная, о чем сообщили на Хэнкессу. Мы больше не можем оставаться на орбите. Нам приказано возвращаться. Ждите корабль с помощью. В первую очередь спасатели полетят на «вторую», там больше народу и у них дефицит воды. Надеюсь, вы сумели спасти команду и пассажиров нашего шаттла. До встречи!

Кутельский сел в кресле профессора, последовательно согнул три пальца на левой руке:

– Сигнал бедствия шаттла раз и два, доклад Моника – три. Все сигналы из стратосферы. Может, это у «Норгекаравана» проблема со связью?

– Но с Хэнкессой они на связи? – Абуладзе печальными глазами посмотрел на девушек.

Мысль, мешавшая сосредоточиться, наконец, созрела. Профессор взял в руку ладонь пилота и загнул тому четвертый указательный палец:

– Первое сообщение Моника отправила, едва увидела аборигенов. И в этот момент в нее попала молния.

Кутельский, не моргая, уставился в глаза Абуладзе.

– Профессор, молния?

– Да! – Лев Саныч повысил голос. – Коллеги! Молния, одновременно обесточившая Моника, челнок на орбите и всю электронику здесь, не случайна. Кто-то отреагировал на встречу Моника с аборигенами, лишил нас связи и окутал планету неизвестным полем. Мы заперты. И уровень зигрита, похоже, повышается.

– И что? – воскликнула Элизабет. – Как вы формулируете задачу, профессор?

Абуладзе промолчал, потому Роверто ответила на свой вопрос сама:

– Мы должны найти того, кто запер нас на Салактионе и понять, почему?

**Часть вторая
Трудности перевода**

Глава шестая

Пленница

Что-то горело. Чарли Кутельский никак не мог понять: снится ли ему это или происходит наяву. Пилот находился в том пограничном состоянии, когда грань между реальностью и иллюзией истончается, почти исчезает. «И все-таки... Чем так пахнет?»

Запах плавленных проводов проник в ангар, и Кутельский сел на раскладушке. Прислушался. Волны плескались о борт гидроплана, но за стенкой, в домике геостанции, что-то шипело. «Она же робот», – вспомнил Чарли, застегивая рубашку. Он представил себе жужжащие под кожей Моника механизмы, внутренне содрогнулся и направился к выходу из ангара.

Когда Чарли вошел в дом, Элизабет Роверто хлопотала у плиты спиной к нему, а Моника, сгорбившись, сидела перед верстаком, на котором в идеальном порядке стояли колбы с жидкостями и лежали крошечные куски породы. Моника смотрела в микроскоп, а рядом на стеклянной подставке крепилось что-то белое и круглое. Кутельский разглядел микро-разъем, подошел ближе и ахнул.

С подставки на него смотрел глаз Моника. Девушка оторвалась от микроскопа, взглянула оставшимся глазом на пилота:

– Доброе утро, Чарли!

При виде пустой темной глазницы Кутельского передернуло от отвращения. Он суетливо застегнул на выцветшей форменной рубашке предпоследнюю пуговицу:

– Привет...

– Извини, придется потерпеть. Не слишком эстетично, но это ненадолго.

Чарли не ответил. Роверто обернулась с подносом, на котором румянились небольшие котлеты.

Из-за спины пилота хлопнул дверью душевой Лев Саныч Абуладзе.

– Вот это я понимаю! – профессор шумно принялся и вытер руки о шорты.

Панели кухонных шкафчиков сияли, стол блестел, посудомойка журчала. Роверто пере-мыла посуду и отсортировала чашки к чашкам, бокалы к бокалам. Для эстетики освободившиеся поверхности Элизабет украсила салфетками из белого хлопка – об их существовании Кутельский не подозревал. «А профессор? Наконец-то, хоть кто-то поставил на место этого неряху!» – Чарли обернулся к Абуладзе – хмурый профессор скептически рассматривал рабочий стол и еле сдерживался от комментариев. Рабочий беспорядок в целом был сохранен, но образцы породы Роверто и Моника сгруппировали в линейном порядке, инструменты уложили компактно, а пыль и грязь удалили. Недовольный Лев Саныч наклонил голову к плечу, но помалкивал. Роверто проследила его взгляд.

– Я все понимаю, профессор, но я ничего не нарушила, не беспокойтесь. У меня самой... – Элизабет сменила тему: – Весь фарш из морозилки я потратила. Вы садитесь, я сейчас подам завтрак!

– Я знаю, где на моей кухне лежит вилка, и могу ее взять сам! – раздраженно бросил профессор.

Роверто обиженно надула губы:

– Вы злой, потому что голодный?

– Извините, не хотел вас обидеть. Ой! – Абуладзе, наконец, заметил глаз Моника.

– Добрые утро, Лев Саныч! – оторвалась от работы девушка. – Глазом пришлось пожертвовать, зато я разобралась! Дайте мне полчаса, все расскажу.

* * *

Чарли, Лев Саныч и Элизабет сидели на пластиковых стульях за кухонным столом и молча завтракали.

Моника уверенным движением вставила глаз, разъем щелкнул, проморгалась и встала из-за стола. В одну руку она взяла щепотку измельченной породы, в другую – колбу с бесцветным раствором.

– Разработчики, чтобы не превращать меня в дерево из датчиков, максимум функций сканирования совместили со зрением. Например, восприятие запахов. Ваши эмоции я воспринимаю не как запах, а визуально. И обитателей Салактионы вижу, как побочный эффект.

Она выдержала паузу, ожидая распросов, но все молчали. Тогда Моника продолжила:

– Вам же знакомо устройство «Хоскори-36»? На Хэнкессе его используют все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.